

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 102, март 2023

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАСКОЛА

В феврале 1980 года, в начале *ново-го противостояния*, ознаменованного вторжением России в Афганистан, Арриго Черветто обратился к нескольким заметкам из «Тетрадей по империализму» Ленина о «вариантах социал-империализма». Показательна причина: «теперь, когда мы вернулись к разговору о мировой войне, полезно снова обратиться к ним»¹, – гласила аннотация; из папки появилась серия редакционных статей о социал-империализме как «политическом признаке» эпохи империализма.

Одна заметка называлась «Каутский-манчестерианец» и была сделана на основе резюме Ленина статьи о критике со стороны социал-демократической левой каутскианства как производного от «идеологии внешней политики английского манчестерства»²: «Здесь Ленин, кажется, соглашается с тем, что тезис Каутского является идеологическим остатком манчестерства».

Каутский, как и манчестерская идеология, считает, что существует две внешние политики: насильственная/империалистическая и мирная/фритредерская.

Неверно, что Каутский не видел империализма. Его ошибка в том, что, не сумев определить его природу (5 признаков), он решил, что возможна идеологически понятая манчестерская альтернатива. То есть он идеализировал манчестерство, приписывая реальность идеологии»³.

Одним из текстов, в котором Карл Каутский наиболее полно аргументирует свои фритредерские тезисы, является работа «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств». Опубликованная в 1915 году

в разгар мировой войны, эта брошюра была призвана наметить направления для немецкой социал-демократии в послевоенный период, отталкиваясь от предположения, что империализм – это «политика» капитализма по разделу рынков с помощью методов насилия и угнетения в колониях. Если это приводило к конфликту, то он мог быть вытеснен другими мирными и согласованными методами экспансии, под знаменем именно «свободной торговли».

Политика колониальных захватов для достижения самодостаточности в поставках сырья вовлекла бы государство в «непрерывающиеся войны». Для промышленности путь лежал не через «завоевания», а через «быстрое развитие производственного потенциала аграрных стран». Здесь мир уже был разделён, подразумевает Каутский: важнейшие страны не могли быть превращены в колонии – «ни Россия, ни Аргентина, ни Соединённые Штаты, ни Австралия, ни Канада, не говоря уже о Китае в ближайшей перспективе», – в то время как Индия и Египет после британского правления согласились бы только на «полную независимость».

Путь лежал через взаимодействие с развитием новых территорий: «Экспорт капитала в эти территории, а не непосредственно в колонии; строительство железных дорог и ирригационных систем, развитие более интенсивного сельского хозяйства: вот важнейшие методы повышения их производительности, чтобы максимально покрыть потребности капиталистической промышленности в сырье».

Именно здесь «свободная торговля» должна была обеспечить взаимосвязь с глобальным развитием: «Не менее важным для этой промышленности будет установление интенсивных отношений обмена между её торговыми местностями и аграрными территориями, а также хороших соглашений, облегчающих экспорт товаров и капитала и импорт сырья и сырых продуктов. Лучшим средством для достижения этой цели являются торговые договоры, максимально приближённые к свободной торговле. Никаких сельскохозяйственных тарифов, которые повышают цены на сырьё для промышленности и снижают заработную плату рабочих. И никаких промышленных тарифов, которые повышают цены на средства производства для сельского хозяйства».

Затем идут мысли, которые больше напоминают манчестерскую идеологию, но которые также являются основой реформистской софистики меньшего зла демократизированного капитала, социал-империалистической концепции: «Торговые договоры, вдохновлённые принципами свободной торговли, являются не только лучшим средством содействия экономиче-

скому развитию, но и оказываются чрезвычайно эффективными в установлении и обеспечении мира во всём мире».

Конечно, иллюзия либеристов заключалась в том, что свободная торговля устраним с лица земли экономические антагонизмы, порождённые капитализмом. Она менее способна на это даже по сравнению с демократией. Но мы все заинтересованы в том, чтобы такие антагонизмы развивались в формах, приносящих наименьшие жертвы и страдания трудящимся массам. И это может произойти в гораздо большей степени при режиме свободы и демократии, чем при протекционизме и полицейском государстве.

Наряду с неприятием любой аннексии, навязанной народам насилем, наряду со стремлением к широкому разоруже-

нию, требование торговых договоров и по возможности демонтажа таможенных барьеров является неотъемлемой частью пацифистской программы социал-демократии».

В момент величайшего раскола империалистической системы, мировой войны, формировались социал-империалистические идеологии единства, как будто та огромная бойня была всего лишь скобкой.

(Продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 10. Milano: edizioni Lotta Comunista, 2015. P. 382.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 28. С. 721.

3 – Cervetto A. Opere. Vol. 10. Milano: edizioni Lotta Comunista, 2015. P. 393.

Содержание

НОВЫЕ ВРЕМЕНА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО РАСКОЛА	стр. 1
Голос Азии в новые времена империалистического раскола	стр. 2
Партия и интернационалистская оппозиция войне на Украине	
Жизненно важный классовый интерес	стр. 3
Загадка инфляции	стр. 4
Европейские хроники	
Берлин обсуждает лидерство во внешней политике	стр. 5
Российские хроники	
Москва использует диалектику единства и раскола империализма	стр. 6
Авантюры «русского мира»	
Неразрывность времени и пространства в самосознании Кремля	стр. 7
Борьба с коронавирусом	
От недалновидности до халатности	стр. 8
Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма	
Вариации и градации демократии в Китае	стр. 9
Равновесие властей и китайский центральный банк	стр. 10
Хроники Шёлкового пути	
Опасное десятилетие битвы за производительность	стр. 11
Атомное оружие, перевооружение и иммигранты в балансе Сеула и Токио	стр. 12
Мировое сражение в секторе контейнерных перевозок	
Судовладельцы приходят в сферу логистики	стр. 13
Мировое сражение в телекоммуникациях	
Полупроводники под охраной	стр. 14
Мировое сражение в автопроме	
Новые альянсы в электромобильном секторе	стр. 15
Новые сомнамбулы	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Страницы истории рабочего движения

Профсоюзы и лейбористская партия в Англии	стр. I
Война и забастовки: английские шоп-стюарды	стр. II
Рабочая борьба и лейбористское правительство	стр. III
Ленин и тактика британских коммунистов	стр. IV

Ренато Пасторино

Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Голос Азии в новые времена империалистического раскола

(начало на 1-й странице)

Почти двадцать пять лет назад, в октябре 1998 года, на волне азиатских кризисов, разразившихся в предыдущем году, изучая попытку Японии создать Азиатский валютный фонд на основе гипотезы Ясухиро Накасонэ о «монетарной многополярности», базирующейся на «четырёх основных валютах: долларе, евро, иене и китайском юане», – мы рассматривали тезисы Карла Каутского. Амбиции реформированной глобализации, как мы бы сказали сегодня, не реализовались из-за американского, европейского и даже китайского отказа. В противном случае было бы признано региональное влияние Страны восходящего солнца и предотвращено создание «биполярной валютной системы», основанной на долларе и едва представленном публике евро. Было ли возможно реконструировать глобальное равновесие, достигнутое исключительно политическими средствами в рамках картеля старых держав империалистического либеризма?

Каутский, резюмировали мы, утверждал, что «суперимпериалистический» союз крупных держав может предотвратить катастрофические противоречия империалистической политики посредством своего рода раздела мирными методами; «в своём практическом содержании эта теория становилась инструментом для поддержки союза между Германией и Англией на либеральных основаниях, или для обоснования необходимости Соединённых Штатов Европы против восходящих Соединённых Штатов Америки и Японии, или даже для перспективы раздела Китая через создание империалистического «картеля»».

С точки зрения Ленина, «неравномерное экономическое и политическое развитие империализма, неизбежно порождая новые державы, ослабляя одни и усиливая другие, делала этот “ультраимпериалистический” союз невозможным на практике». Союзы и мир могли быть только временными, «потому что неравномерное развитие, ставя под вопрос соотношение силы между державами, регулярно подрывало предпосылки старых разделов и навязывало борьбу за новый раздел». При этом, можно сказать, борьба между Каутским и Лениным никогда не прекращалась на протяжении всего империалистического XX века: «Либерализм и его социал-империалистическое ответвление в среде рабочего класса релятивизировали всякий кризис и всякую войну, сводя их до уровня ошибки, аномалии, диверсии, атавизма, отрицания правильного развития капитализма, тогда как марксистская наука видела в эпохе войн и революций подтверждение закона неравномерного развития и невозможности появления миротворческого суперкартеля».

И ещё: если Ленин и Каутский противостояли друг другу на протяжении всего XX века – и продолжают противостоять в новом столетии, – «это имеет объективные причины»: «Многочисленные варианты идеологии суперимпериализма не являются чисто фантастическими конструкциями. Они опираются на объективную динамику, хотя и воспринимаемую и представляемую односторонне, и на реальные сближения и союзы между державами. Каутский, говорит Ленин, отделяет звено мирной конкуренции от звена конкуренции военной. Но это звено существует, оно не является простой фигурой речи. Фальсификация заключается

в его абсолютизации». Всякая идеология имеет свою истину в объективной основе, отражением которой она является; истина идеологий Каутского и их вариантов – сегодня это реформированная, перебалансированная, более справедливая глобализация – заключается в попытке ухватиться за момент единства в диалектике единства и раскола империализма, а фальсификация, софистика – в отрыве его от динамики раскола, с которой он неразрывно связан.

Двадцать пять лет назад мы наблюдали, что Япония пыталась вести переговоры о новых балансах по отношению к Соединённым Штатам и Европе, опираясь на другие восходящие державы: Китай, Южную Корею, страны Юго-Восточной Азии и даже Индию или Бразилию. Точно так же Германия в 1989–1991 годах вела переговоры по поводу условий своего воссоединения, используя вторжение Азии; Соединённые Штаты предпочли иметь единую Германию в составе Атлантического альянса, а не ту, которая могла свободно колебаться и обращаться к Востоку. Но сам факт того, что в этой борьбе старые державы будут использовать «союзы или гипотезы союзов с восходящими державами», указывал на то, что любой новый баланс был временным. Он сталкивался «с появлением тех самых новых держав», чьё восходящее движение использовалось для воздействия на старые балансы.

И вот спустя четверть века Китай потряс глобальные отношения. Сегодня именно Пекин предлагает себя в качестве лидера реформированной глобализации, нового порядка, в котором открываются условия для стабильного роста других развивающихся держав и где не только старые державы Запада определяют правила.

Среди старых держав именно Соединённые Штаты, архитрав старого порядка, сталкиваются с самым каверзным вызовом. Начиная с 1971 года, в течение сорока лет Вашингтон культивировал фактический союз с восходящим Китаем, безусловно, чтобы уравновесить СССР, но прежде всего чтобы помешать Японии консолидировать свою собственную эксклюзивную зону в Азии. Сегодня Америка разделена. Некоторые течения, возможно, политически доминирующие, видят в Китае экзистенциальную угрозу и предусматривают противостояние блок против блока ценной отказа от роли гаранта либерального порядка, который Соединённые Штаты олицетворяли со времён второй мировой войны. Старые правила мультилатерализма больше не действуют, поскольку они позволили Китаю подняться до уровня, угрожающего американскому превосходству. Другие течения, связанные с крупными группами Уолл-Стрит, сдерживаются массовым присутствием американского капитала в Китае, возможностями, которые будут и дальше предлагать огромный китайский рынок, взаимной зависимостью американского государственного долга и массы китайских сбережений, необходимостью сохранить союзников в Европе и Азии, не оттолкнув их.

Германия, хотя и сопротивляется американскому давлению в пользу варианта блок против блока, тем не менее, получила косвенный удар в результате восхождения Китая. Москва полагала, что сможет использовать кризис порядка, вызванный китайским вторжением, для реализации переворота на Украине,

но это привело к разрыву энергетического Рапалло между Россией и Германией. Берлин видит, что его система многочисленных союзов скомпрометирована или находится под беспрецедентным давлением, но его выбор двойной: подтвердить трансатлантический стратегический альянс, при этом заверив, что Европа защищает реформированный многосторонний порядок, в чём он по-прежнему сходится с Пекином. В идее Европейского Союза, который продолжает предлагать себя в качестве посредника восходящих держав не-Запада в условиях сохраняющегося либеристского знака цикла, доктрина Шольца кажется эхом суггестий социал-империализма Каутского, и, в сущности, является прямым наследником этого реформистского социал-демократического мифа.

Положение Японии также неоднозначно. Она уже проиграла историческую партию по созданию структурированного регионального пространства под своим влиянием, по аналогии Германии и ЕС, начиная с 1990-х годов: в этом американская игра баланса по отношению к восхождению Китая оказалась успешной. Токио, конечно, подтверждает свои региональные вектора в отношении АСЕАН и той же Индии, обобщённые в формуле FOIP (Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона), и структурирует свои многосторонние отношения посредством Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) в АТР, Соглашения об экономическом партнёрстве между Японией и ЕС (JEEPA) и Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП) опять же в Азии, но ему приходится считаться с изменением соотношения сил в пользу Пекина. То же ВРЭП, поскольку оно включает Китай, содержит присущую ему двойственность. Выбор Страны восходящего солнца параллелен немецкой *Zeitenwende*: подтверждение союза со Штатами, поиск перспективы стратегической автономии в перевооружении, сопротивление давлению в пользу экономического декалинга с Пекином со стороны наиболее антикитайских течений Вашингтона.

Среди новых держав Индия, похоже, сопротивляется течениям, которые в Вашингтоне хотели бы, чтобы Нью-Дели был строго вписан в индо-тихоокеанскую стратегию, которая использовала бы её восхождение для уравновешивания Китая. Нарендра Моди и ещё в большей мере министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкар, безусловно, придают большее значение отношениям с США, но они также настаивают на стратегии «множественного выравнивания», которая аккумулирует преимущества политики «свободных рук». Джайшанкар, пишет *New York Times*, «считает, что взаимосвязанность сегодняшнего мира перевешивает фрагментацию, и называет бессмыслицей разговоры о новой “холодной войне”. Наступление периода беспорядка с упадком западной мощи кажется неизбежным, но скорее всего он будет смягчён экономической взаимозависимостью».

Бразилия Лулы да Силвы, отказывая в поставках оружия Украине и выступая за ратификацию договора между МЕРКОСУР и ЕС, предшествующего, но не исключаящего соглашения с Китаем, также демонстрирует своё сопротивление формированию блоков.

Некоторые публикации в *Nikkei Asian Review* демонстрируют азиатскую ориентацию. Ли Син Хва, преподаватель

Сеульского университета и член «Трёхсторонней комиссии», утверждает, что «версия мультилатерализма, за которую выступает Китай, по иронии судьбы ближе к первоначальной концепции США после 1945 года», в то время как американская держава движется к «минилатерализму», политике исключения, которая рискует оттолкнуть многие страны. С другой стороны, «Китай использует мультилатерализм только для продвижения своих собственных интересов»; «средние державы Индо-Тихоокеанского региона», такие как Япония, Южная Корея, Австралия и Индия, обладают «решающим голосом» в отношении направления развития американско-китайских противоречий, «будет ли там больше воинственности или будет преобладать сотрудничество».

Именно «Трёхсторонней комиссии», в 50-ю годовщину её создания, посвящён номер *Nikkei*, в котором акцентируется внимание на критических позициях азиатского отделения организации. «Трёхсторонняя комиссия» была основана по инициативе Дэвида Рокфеллера и Збигнева Бжезинского для сопровождения включения Токио в западный альянс, утверждает один бывший японский дипломат; «сейчас для Азиатско-Тихоокеанской группы важно объяснить США и Европе азиатские позиции по поводу противостояния между великими державами». «Исключение Китая – не выход», – резюмирует заголовок журнала. Масахиса Икеда, глава юридического гиганта «Shearman & Sterling» в Японии считает, что «американская политика в отношении Азии, особенно Китая, стала недалёководной и негибкой; мы хотим, чтобы в США были известны различные азиатские точки зрения». По мнению Джеймса Масаакиры Кондо, бывшего советника японского правительства, «говорит, что глобализация отступает и вытесняется поляризацией – это западный нарратив»; азиатский же нарратив заключается в том, что Китай и Индия благодаря глобализации «выросли экспоненциально». Кондо также считает, что «Азия обладает решающим голосом в определении направления развития мира»; «Трёхсторонняя комиссия» – один из немногих форумов, где Азия «воспринимается на равных с США и Европой», а Китай не подпадает исключению как «огромная экономическая единица». Китайские представители, как мы узнаем из *Nikkei*, уже являются делегатами на заседаниях азиатского отделения организации.

Единство и раскол неразделимы; именно из Китая, спровоцировавшего кризис порядка, исходит толчок к глобализации 2.0; сближение Китая, Европы, Японии, Индии и других средних азиатских держав теоретически способно сдержать противостояние на многосторонней почве. На практике, однако, все они перевооружаются, и это знаменует новые времена империалистического раскола; если либеризм и мультилатерализм сохранятся ещё некоторое время, то возникнет вооружённый либеризм. Так было и в начале XX века: Каутский превратил ложное сознание своего социал-империализма в миф об умиротворённом капиталистическом развитии; в то же время прекрасная эпоха ранней глобализации сочеталась со спуском на воду линкоров. До самой пропасти августа 1914 года.

Партия и интернационалистская оппозиция войне на Украине

Жизненно важный классовый интерес

Один год, двадцать лет, две войны: уже год продолжается империалистическая бойня на украинской земле, и двадцать лет прошло с момента американского вторжения в Ирак. Захват Багдада Вашингтоном, война по выбору, был явно направлен на укрепление мирового порядка под руководством Америки. Настоящей ставкой конфликта, писала *Lotta Comunista*, было время: отнять время у процесса политической унификации европейского империализма и восхождения китайского. Миссия выполнена в том, что касается Европы, которая за два десятилетия практически не продвинулась в направлении общей внешней и оборонной политики. Соединённые Штаты, однако, заплатили огромную цену, вплоть до пагубного ухода и внутреннего раскола.

Новая стратегическая фаза

В течение жизни одного поколения непреднамеренным результатом стало ускорение относительного американского упадка и кризиса порядка, именно потому, что провалилась вторая цель – противодействие вторжению китайской державы. Огненный дождь над Багдадом ознаменовал начало новой стратегической фазы, кровавые фронты Донбасса выводят кризис порядка на новый уровень насилия.

Для европейского империализма война имела тяжёлые последствия: рейнское сердце столкнулось с фрондой «новой Европы» (страны Восточной Европы остаются американскими пешками), британское отслоение в 2016 году привело к отделению (Brexit), а пиренейское и итальянское колебания были с трудом преодолены.

Война в Персидском заливе 2003 года стала моментом максимального сближения европейского и российского империализма. Двадцать лет назад Путин был большим союзником Шрёдера и Ширака, стоявших во главе империалистического пацифизма на европейских площадях. Теперь война на Украине жестоко разорвала эту стратегическую связь и энергетический симбиоз, который её поддерживал, вплоть до таинственных атак на газопроводы. Но восстановление отношений с Москвой – это мысль, которая циркулирует в столицах Старушки Европы и регулярно всплывает, даже в слабом и лицемерном пацифизме, который вынужден поддерживать вооружённую самооборону клики Владимира Зеленского. Российский империализм, который вчера в союзе с европейским стремился мирным путём сохранить своё влияние на Среднем Востоке, сегодня, прикрываясь Китаем на Украине, ведёт войну, чтобы не быть отброшенным на Восток.

Европа и Америка демонстрируют великое трансатлантическое единство перед лицом российского вторжения. В украинском конфликте франко-германская пара действовала иначе, чем в 2003 году: не было фронтальной оппозиции, Франция и Германия не хотели войны и до последней минуты пытались выступать в качестве посредников в отношениях с Москвой. Вашингтон же с самого начала подливал масло в огонь. С 2014 года, после восстания на Майдане, США фактически саботировали минские мирные соглашения при соучастии

прибалтов и поляков, а также фракций коррумпированной украинской буржуазии. Как только разгорелся конфликт, рейнская ось, зажатая в тиски Вашингтона и Москвы, согласилась сопроводить военные действия, осуществляя дозированные поставки Киеву.

Война на Украине используется всеми державами для ускорения гигантских планов перевооружения. В частности, Германия и Япония окончательно освободились от ограничений, наложенных поражением во второй мировой войне. Перевооружение происходит с согласия Вашингтона, но объективно даёт Берлину и Токио большую стратегическую автономию. Олаф Шольц, опираясь на свою *Zeitenwende*, уже разыграл китайскую карту, фактически оспарив американское стремление принудить союзников к враждебности по отношению к Пекину. Таким образом, в условиях всё более опасного мира союзничество правительства Мелони в итальянском стиле обречён все больше зависеть от Европейского Союза и всё сильнее цепляться за него, с напряжением втягивая жирное брюхо *статус-кво* в гонке за повышение конкурентоспособности.

Олигархи-близнецы

Славянская вражда между олигархами-близнецами из Киева и Москвы приводит к тому, что у задействованных в ней призывников, молодёжи, российских и украинских рабочих и беззащитных гражданских лиц чубы трещат. Даже самой пристрастной интервентистской пропаганде не удаётся скрыть разгул коррупции в Киеве, режим «демократического» Зеленского и «авторитарного» Путина видят друг друга в зеркале одинаково алчной буржуазной жестокости.

С вводом тяжёлых танков спираль войны опасно поднялась на один виток. Канцлер Шольц в ходе долгого перетягивания каната отказался быть посланным в одиночку, чтобы бросить вызов атомной угрозе Путина, потребовал и добился, чтобы Байден также отправил свои «Абрамсы» вместе с немецкими «Леопардами», с гарантированным прикритием американского ядерного зонтика. Давление на Германию и Европу с целью развёртывания всё более разрушительного оружия не прекращается; Зеленский просит истребители-бомбардировщики и ракеты дальнего действия.

Европейские сомнения

По словам Николаса Буссе, иностранного редактора *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)*, американские чиновники назвали тактику постепенного усиления давления с целью изматывания России «варкой лягушки». Но риск высок: «Россия пока не распространила войну за пределы Украины. Однако никто на Западе не может с уверенностью сказать, видит ли Путин красные линии». Тьерри де Монбриаль, основатель Французского института международных отношений (IFRI), встревожен: «Вопрос в том, как далеко мы можем зайти в этом направлении. Это большая неизвестность 2023 года. Если Россия потерпит поражение, достигнув точки распада, то риск ядерной эскалации будет серьёзным». Тем временем мейнстрим демократических шоу и сетей охвачен эйфорией войны, опасно играет с огнём.

Развивающиеся державы решительно сигнализируют, что они не хотят выступать на стороне Запада против России: по мнению министра иностранных дел индийского империализма Субраманьяма Джайшанкара, «прошло время, когда проблемы Европы были проблемами мира, а проблемы мира не были проблемами Европы»; старый западный порядок скоро будет заменён «миром многостороннего согласования», где страны будут выбирать свою собственную политику, предпочтения и особые интересы». Политика Бразилии, Южной Африки, Индонезии, Турции и других незападных держав, входящих в Большую двадцатку, также откровенно несёт на себе отпечаток многовекторности.

Америка выглядит двойственной и внутренне разделённой, и даже не ясно, насколько далеко она хочет зайти в протекционистских мерах. При ультраполяризованной внутренней политике единственным общим местом для двух партий является дух крестового похода против Китая: в повестке дня американского парламентаризма, похоже, на первом месте стоит необходимость начать холодную войну против китайского экспансионизма и использовать невралгический вопрос Тайваня, чтобы втянуть его в конфронтацию.

В 2003 году Китай оставался довольно отстранённым. Пекин рассчитывал, что время будет способствовать его восхождению. При ближайшем рассмотрении это действительно так, поскольку в начале нового тысячелетия экономическая мощь Дракона составляла 4,2 % от мирового производства, менее четверти доли США, а сегодня она равняется 18%, то есть практически равна. Также и с точки зрения военного аппарата, сегодня она находится на другом уровне: в 2003 году у Китая вообще не было авианосцев, то сейчас три уже спущены на воду, ещё два строятся, а план перевооружения предусматривает, что они будут пополнять флот каждые три-четыре года. В многомерной артерии Персидского залива Пекин подорвал доктрину Картера сетью долгосрочных соглашений, заключённых как с Тегераном, так и Эр-Риядом.

Прекращение Си Цзиньпином трёхлетнего локдауна стимулирует мировой рост. Его экономический царь Лю Хэ подтвердил в Давосе «готовность Китая содействовать всесторонней открытости и многостороннему сотрудничеству». Китайские газеты отмечают, что Байдену будет трудно навязать свои более протекционистские меры союзникам, привлечённым восстановлением Дракона.

Либеристский знак цикла пока подтверждается, хотя и сопровождается масштабными планами государственного вмешательства, поскольку ни крупные немецкие, ни европейские в целом, ни японские группы не хотят отказываться от гигантских инвестиционных возможностей в Китае; то же самое верно и для многих ключевых американских групп. Прежде всего, в политическом плане Европа, Япония и Китай, похоже, в данный момент сходятся на том, чтобы сохранить многосторонний подход. Это другой вид либеризма, нежели тот, что был в предыдущие десятилетия, который в любом случае был

движим борьбой за раздел рынков, но сопровождался обещанием роста и общего процветания: сейчас он проявляет себя в качестве либеризма со свирепым лицом и оружием в руках.

Наша оппозиция войнам и миру империализма, которые сопровождали окончание Ялтинского раздела и противостояние в Персидском заливе, ознаменовала важный момент в восстановлении интернационалистских позиций в Италии и Европе: два поколения революционных милитантов связали себя со стратегией в эти моменты. Наш ответ на пандемию столетия породил в сети рабочих кружков обширную цепочку добровольческой солидарности, оказывающую немедленную помощь семьям, находящимся в сложном положении, особенно мигрантам. Добровольчество рабочих кружков отличается от деятельности всех других организаций именно тем, что интернационалисты не довольствуются солидарностью, а борются за изменение мира. Именно классовое добровольчество превращается в борьбу против империалистического варварства, как показали марши и мобилизации последних месяцев против войны и против расизма. Для интернационалистов борьба против войны на Украине и за защиту классового единства – это тяжёлая борьба против течения, знаменующая в основных концентрациях европейского пролетариата выход на поле сражения нового поколения молодых революционных милитантов.

Организационное сплетение

Новые сомнамбулы империализма в своих документах по стратегическому и военному планированию, похоже, думают о новых двадцатых годах как о «решающем десятилетии» противостояния держав. Мы увидим, когда и в какой форме продолжится их борьба за раздел мира. Для нас это не вопрос установления мифических сроков: для революционной стратегии, учил нас Арриго Черветто, «существует не одно решающее сражение, а целый ряд битв во времени и пространстве, различной сложности и интенсивности»¹. Эта работа в массах по их организационному сплетению позволяет справиться с любым неожиданным поворотом событий.

В железные времена, когда все говорят о «жизненных интересах», мы отстаиваем жизненные интересы нашего класса, чтобы буржуазные фракции не втянули его в свои губительные и смертельно опасные авантюры. С одной стороны, крепко держа в руках научную газету, распространение которой среди масс необходимо увеличить, а с другой, проявляя простой жест конкретной помощи, который может позволить нам увеличить ряды тех, кто ежедневно борется против дискриминации по этническому, религиозному или национальному признаку. И кто каждый день с особой твёрдостью борется с любыми попытками разделить и вепонизировать наш класс.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Черветто А. Трудный вопрос времени. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2007. С. 63 (перевод исправлен).

Загадка инфляции

В последние кварталы экономического цикла оказался во власти ветров, сила и направление которых быстро меняются. Во второй половине 2021 года, когда на экономических радарх впервые за десятилетия внезапно появилась инфляция, эйфория по поводу результатов применения прививок и отмены антиковидных ограничений сменилась тревогой. Инфляция стала результатом неудачной комбинации постпандемического восстановления, возникновения из-за пандемии многочисленных узких мест в цепочках поставок и роста цен на энергию в результате начала перехода к «зелёным» технологиям и последующей непредвиденной остановки инвестиций в энергетику. Война на Украине и санкции усугубили рост цен на энергоносители и привели к тому, что инфляция начала разрастаться, словно лесной пожар. Во второй половине 2022 года тучи на ближайшем горизонте: война, инфляция, ужесточение монетарной политики центральными банками, противостояние США и Китая – казалось, предвещали бурю или в более мягких прогнозах рецессионную грозу.

Вместо этого новый год начался с новых настроений. Казалось, что охлаждение энергетической инфляции, стремительное восстановление сферы услуг, парализованной пандемией, устранение большинства узких мест, устойчивость частного потребления на всех основных рынках, господдержка «зелёной» и цифровой реструктуризации, восстановление Китая позволят избежать рецессионных тенденций. Но в экономике и кругах предсказателей характера цикла царит неопределённость.

Оптимизм в условиях неопределённости

МВФ в опубликованном в конце января «World Economic Outlook» фиксирует новый климат и отменяет гипотезу рецессии на 2023 и 2024 года, сохраняя положительный знак роста во всех основных областях, за исключением Англии, которая продолжает оплачивать счёт за Брексит. Барометр МВФ сигнализирует лишь о «замедлении» глобального роста в 2023 году: 2,9 против 3,4 % в 2022 году за счёт «развитых» стран (1,2 против 2,7 %), а также Латинской Америки (1,8 против 3,9 %) и Среднего Востока (3,2 против 5,3 %, здесь замедление будет связано с непредвиденным уменьшением нефтяных доходов); замедлении роста международной торговли, которая в этом году вырастет на 2,4 после 5,4 % в прошлом; замедлении роста мировой инфляции с 8,8 до 6,6 и 4,3 % в 2024 году.

Центральным фактом нового сценария является открытие Китая, экономике которого приписывают темпы роста 5,2 %. Главный экономист МВФ Пьер-Оливье Гуриша пишет, что 50 % глобального роста в 2023 году придутся на Китай и Индию и только 10 % на США и еврозону.

Однако сам же МВФ сигнализирует о неопределённости своих прогнозов. Генеральный директор Кристалина Георгиева, выступая 12 февраля на седьмом Agab Fiscal Forum, предупредила: «Баланс рисков по-прежнему смещён в сторону замедления. Восстановление Китая может застопориться. Инфляция может остаться выше ожидаемой, что потребует ещё большего ужесточения монетарной политики. [...] А ход войны на Украине может обостриться, что вызовет дальнейшую фрагментацию мировой экономики».

«Рынки», центральные банки и МВФ

Интересно, что МВФ подтверждает расхождение между финансовыми

рынками и центральными банками, о котором говорят многие сообщения: с одной стороны, рынки, убеждённые в том, что инфляционная «интермедия» подходит к концу, хотели бы ускорить свёртывание монетарного ужесточения; с другой стороны, центральные банки, уверенные в том, что инфляция остаётся главным источником риска, хотя её рост и замедлился, намерены не сворачивать, а скорее корректировать свои действия. В документе, подписанном директором Департамента денежно-кредитных систем и рынков капитала МВФ Тобиасом Адрианом и двумя его заместителями, говорится, что «оптимизм инвесторов», вызванный падением цен на энергоносители, заставляет их полагать, что политические действия «по укрощению инфляции, осуществлённые с минимальным ущербом для экономического роста, так называемая мягкая посадка», увенчались успехом. Таким образом, поскольку центральные банки продолжают повышать ставки, растущие ожидания снижения ставок подпитывают «значительное смягчение финансовых условий». Здесь кроется «загадка для центральных банков»: должны ли они «принять это видение» финансовых рынков или «отвернуть оптимизм инвесторов»? В МВФ не сомневаются: «политические лидеры должны оставаться решительными».

Когда в начале февраля ключевая ставка ФРС США достигла 4,75 %, её председатель Джером Пауэлл попытался занять срединную позицию. Он подтвердил, что «курс [останется неизменным], пока работа не будет завершена», но на последней пресс-конференции заявил: «Теперь мы впервые можем сказать, что дезинфляционный процесс начался». Экономист Мохамед Эль-Эриан, связанный с Allianz, насчитал по этому случаю 11 ссылок Пауэлла на «дезинфляцию». Рынки пришли в экстаз. Кристин Лагард, напротив, исключила возможность «дезинфляционного процесса», поскольку базовая инфляция в еврозоне составляет 5,2 %, и это «самый высокий уровень из когда-либо зафиксированных в нашей части мира» (2 февраля).

В редакционной статье *Financial Times* от 8 февраля говорится о «разрыве связи» между рынками и центральными банками: «Инвесторы в замешательстве. Пока не появится чёткое представление о том, как работает экономика, рынки будут продолжать колебаться». Существует также разрыв и между двумя основными центральными банками по обе стороны Атлантики.

Кто такие разобщённые «рынки»

В дебатах об инфляции принимают участие и крупные финансовые группы США. В качестве показателя рыночного оптимизма в вышеупомянутом документе МВФ сообщается об исследовании *Bloomberg* (крупной транснациональной корпорации, являющейся сборщиком данных и финансовым СМИ), в соответствии с которым в Соединённых Штатах и еврозоне «оценки инфляции, основанные на рыночных показателях на год вперёд», в настоящее время близки к таргету в 2 %. Владелец компании Майкл Блумберг 3 срока был мэром Нью-Йорка, а затем баллотировался от Демократической партии на президентских праймериз 2020 года.

В январе в двух интервью CNBC проявились разногласия между главами двух крупнейших американских инвестиционных банков – Джейми

Даймоном из JPMorgan и Джеймсом Горманом из Morgan Stanley. Даймон придерживался самой ортодоксальной линии ЦБ и высказался в пользу поддержания ставок на уровне выше 5 %, а при необходимости и их повышения до 6 %: «[Существует] высокая базовая инфляция, и так быстро она не уйдёт», – утверждал он, в то время как факторы дезинфляции вроде падения цен на энергоносители и замедления роста в Китае могут оказаться временными. Горман, напротив, сказал, что инфляция достигла своего пика, и идеалом была бы «территория 4 %» – 4 %-ная безработица, 4 %-ная инфляция, 4 %-ная ставка.

Глава Goldman Sachs Дэвид Соломон, Брайан Мойнихан из Bank of America и Майкл Сантомассимо из Wells Fargo высказываются в более сдержанно-оптимистичной форме, ожидая «мягкой посадки», достижение которой предполагает более осторожный подход со стороны центрального банка. Постоянный аргумент, к которому апеллируют эти банкиры, – сила покупательной способности и кредитоспособности американских потребителей.

Порочные круги

Это кажется парадоксальным, но обе стороны обосновывают свои позиции, ссылаясь на одни и те же факты. В январе было создано 517 тыс. новых рабочих мест (более 80 % в сфере услуг), что почти в 3 раза больше, чем ожидалось: для «рынков» это доказательство того, что толчок в сторону экспансии сосуществует со снижающейся инфляцией уже 7-ой месяц подряд (в январе она составила 6,4 % в годовом исчислении); для их оппонентов это предвестник возможного скачка цен, связанного с повышением заработной платы, который поставит под угрозу борьбу с инфляцией. Это противоречие повторяется и в дебатах по поводу показателей в сфере розничной торговли, которая в январе выросла на 3 % по сравнению с декабрём. Мировой лидер в сфере платёжных услуг Mastercard оценивает годовой прирост розничных продаж в США в 8,8 %. Для ФРС это доказательство того, что повышения ставок, которое было осуществлено до настоящего времени, недостаточно для сдерживания спроса. Но Пауэлл уже поспешил компенсировать этот выстрел. На встрече The Economic Club of Washington, D. C. он объявил: «Нам придётся ещё раз повысить ставки, а затем – оглянуться вокруг и посмотреть, достаточно ли [мы] сделали». Эта новая эйфория уже проходит. Может быть, это был «ложный рассвет», как заявил бывший председатель Совета экономических консультантов при Бараке Обаме Джейсон Фурман?

В дебатах многие вещи кажутся более запутанными, чем они есть на самом деле, и путают их буржуазная социология и эконометрические модели монетарной политики. В котёл роста потребления попадают без различия заработная плата, паразитическая рента, прибыль и сверхприбыль, т. е. производительное и непроизводительное потребление. ФРС указывает, что более 10 млн вакансий, открытых компаниями, которые не могут найти сотрудников для работы на этих местах, являются доказательством того, что рынок труда слишком тесный и оказывает давление на расходы компаний. Но когда за месяц поглощается 0,5 млн наёмных работников, центральный банк приходит

в отчаяние, опасаясь роста давления на потребление.

Лазль Брейнар: инфляция, обусловленная ростом доли прибыли в ценах

Ник Тимираос из *Wall Street Journal*, изучая данные о заработной плате в США за январь, отметил, что рост заработной платы замедлился, но фонды заработной платы выросли на 1,5 %, потому что количество рабочих часов в неделю увеличилось. Заработная плата повысилась, увеличив сверх нормы абсолютную прибавочную стоимость, удерживаемую соответствующими капиталистами. Фактор, который в наибольшей степени обуславливал рост инфляции в США в январе, – это повышение арендной платы за жильё; это повышение отвечало за половину общей месячной инфляции и поглотило большую часть роста заработной платы.

Лазль Брейнар, вице-председатель ФРС, назначенная президентом Байденом главой Национального экономического совета, в своей последней январской речи в Чикагском университете исключила возможность возникновения спирали «заработная плата – цены» «в стиле 1970-х годов». «Это правда, – сказала Брейнар, – что темпы роста заработной платы были выше темпов роста инфляции (2 %) и роста производительности. Но верно также и то, что за последние два года заработная плата росла медленнее, чем инфляция, и что совокупная реальная заработная плата снизилась». Далее Брейнар кратко описывает процесс, который привёл к таким результатам: низкооплачиваемые рабочие были массово уволены во время пандемии; после восстановления экономического роста, когда фирмы захотели снова нанять их, компаниям пришлось увеличить реальную заработную плату. Но этот рост низкой заработной платы «был более чем компенсирован снижением реальной заработной платы среди работников со средней и высокой заработной платой в контексте более широкого сжатия распределения реальной заработной платы. [...] В целом за последние два года доля труда в доходах снизилась и, по-видимому, находится на допандемийном уровне или ещё ниже, в то время как прибыль корпораций в процентах от ВВП остаётся близкой к послевоенным максимумам». *The Washington Post* уточняет, что текущая доля оплаты труда в структуре ВВП, упавшая до 56 %, вернулась к уровню 2014 года.

Клише о «спирали «заработная плата – цены»» Брейнар противопоставляет «то, что можно было бы назвать спиралью «цены – цены», в которой конечные цены растут быстрее, чем цены факторов производства». По существу, Брейнар принимает тезис об «инфляции, обусловленной ростом доли прибыли в ценах».

Линия промышленной политики Белого дома и сопутствующие ей протекционистские меры направлены на то, чтобы компенсировать десятилетнюю задержку американского империализма в реконструкции и модернизации своего основного капитала, маскируемую серией пузырей фиктивного капитала. Конкуренция с Китаем и изменение монетарной политики, скорее всего, сделают «магическое мышление», связанное с жизнью в долг, устаревшим. Возможно, Брейнар преподносит в подарок Национальному экономическому совету социал-империалистическую идеологию и схему фискальной политики, которая способна обесценить усилия ФРС.

Европейские хроники

Берлин обсуждает лидерство во внешней политике

Празднование 60-й годовщины подписания Елисейского договора между Францией и Германией 22 января произошло на фоне поворотов в дебатах о поставках танков на Украину. Пресса была разочарована отсутствием конкретного прогресса, несмотря на амбиции, заявленные на франко-германском саммите. *Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ)* вышла с передовицей «Франко-германское разочарование» (23 января), а *Le Monde* опубликовала на своей первой странице статью «Париж – Берлин: локомотив всё ещё ломается» (24 января).

Война на Украине высветила дефицит политической централизации европейского империализма. Хотя ЕС находится в процессе перевооружения, ему с трудом удаётся конкретно утвердить «европейский суверенитет».

Шольц в роли Шмидта?

В дни, предшествовавшие саммиту в Рамштайне 20 января, призывы к поставке немецких танков «Леопард 2» Украине превратились в настоящую кампанию давления на Берлин. В Рамштайне более 50 стран, поддерживающих Киев, обсуждали вопросы военной и другой помощи. Канцлер Германии подтвердил свой отказ и оказал давление на Вашингтон, заявив, что поставит «Леопарды» только при условии, что американцы также поставят свои танки «Abrams». Прямые переговоры между Белым домом и канцелярией Германии, наконец, привели к соглашению 24 января: США обязались отправить 30 «Абрамсов», а Германия – 14 «Леопард 2». Великобритания уже объявила 9 января, что отправит свои «Challenger 2».

Призыв Олафа Шольца к США перекликается с призывом Гельмута Шмидта в 1977 г., в разгар кризиса евrorакет. В ответ на установку СССР ракет РСД-10 «Пионер», которые могли нести ядерные боеголовки и имели такой радиус действия, что могли поразить Европу, но не США, Шмидт призвал установить сопоставимые американские ракеты на европейской земле. Сохранение неделимости трансатлантического сдерживания позволяло избежать следующего слож-

ного вопроса: готовы ли США пожертвовать своими городами и территорией ради угрозы, которая касается только Европы? По словам Клауса Гайгера, руководителя отдела внешней политики газеты *Die Welt*, «несмотря на сильнейшее международное давление», Шольцу удалось, используя этот «принцип холодной войны», «заставить США изменить курс», когда «определённые течения хотели вытолкнуть Германию и Европу в авангард в чувствительном вопросе о поставках танков, сохраняя безопасную дистанцию» (*Welt.de*, 25 января).

Решение о поставке танков, принятое после интенсивных обсуждений между Белым домом и канцелярией Германии, но без непосредственного участия Елисейского дворца, было оценено *L'Opinion* как «очень хорошая новость для Украины», но «негативный сигнал в отношении европейского политического суверенитета и франко-германского сотрудничества» (26 января). *Le Figaro* рассматривает это как стратегическое решение, «принятое в замешательстве, под давлением поляков и некоторых других»; западные лидеры, по мнению газеты, «пустили свой поезд под откос» (25 января). Как передаёт *FAZ*, официальные лица правительства США назвали эту стратегию, направленную на постепенное увеличение поставок западного оружия на Украину, «варкой лягушки» (18 января). А предприятие это рискованное, поскольку нет никакой уверенности в том, что Россия, ядерная лягушка, останется в кастрюле.

Разделённая немецкая коалиция

Дискуссии в Германии в меньшей степени касались франко-германской оси и европейского суверенитета. Интенсивность политических и медийных дебатов о поставках танков Украине высветила разногласия внутри правительственной коалиции. Депутаты от СвДП и «зелёных» присоединились к атаке оппозиционного ХДС/ХСС против «колебаний» Шольца и его партии СДПГ. В то время как члены СвДП в правительстве сдержали свою критику, министры «зелёных», в частности министр иностранных дел Анналена Бербок, этого не сделали.

В своей реконструкции от 9 февраля еженедельное издание *Die Zeit* указало на три момента напряжённости в отношениях между Бербок и Шольцем. Первый произошёл в сентябре 2022 г., когда министр иностранных дел публично давила на канцлера, требуя в интервью *FAZ* быстрого решения об отправке танков на Украину. Второй связан с поездкой Шольца в Пекин в начале ноября, которая встретила критику со стороны Бербок. Наконец, третий пик напряжённости пришёлся на январь. Танки парадоксальным образом стали символом «основанной на ценности внешней политики» Бербок (см. рамку), которая, похоже послужила стимулом для её коллег в Вашингтоне и Лондоне усилить давление на Берлин, чтобы заставить его увеличить поставки оружия на Украину.

В ответ на это Шольц ещё больше сосредоточил внешнюю политику в руках канцелярии. Стоит отметить, что конституция Германии предоставляет канцлеру право определять «руководящие принципы» правительства. Традиционно именно канцлеру принадлежит

«ОСНОВАННАЯ НА ЦЕННОСТЯХ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА» АННАЛЕНА БЕРБОК

После спортивной юности, во время которой Анналена Бербок профессионально занималась прыжками на батуте, будущий министр начала изучать политологию и международное право. Кроме того, год обучения в старшей школе во Флориде и год в лондонском университете дали ей хорошее знание английского языка. В 2005 г. она вступила в партию «зелёных» и начала свою политическую карьеру.

Тринадцать лет спустя, в возрасте 37 лет, Бербок стала сопредседателем «зелёных» вместе с Робертом Хабекком. На федеральных выборах 2021 г. эта пара «Realos»¹, прагматичное течение, привела партию к третьему месту. Скорее разочаровывающий результат, ведь за несколько месяцев до выборов она всё ещё занимала первое место в опросах. Сыграла свою роль полемика по поводу приукрашивания в *curriculum vitae*² Бербок и обнаружения плагиата в одной из её книг, опубликованных во время предвыборной кампании. Бербок не смогла стать канцлером, но ей всё же удалось стать первой женщиной – министром иностранных дел Германии. На этом посту она провозгласила «внешнюю политику, основанную на ценностях», и «феминистскую внешнюю политику».

Frankfurter Allgemeine Zeitung от 30 декабря 2022 г. пишет, что внешняя политика Бербок «скорее ситуативная, чем концептуальная»: «Она впитывает впечатления и обстоятельства и быстро включает их в свои суждения». По данным *FAZ*, летом 2022 г. Бербок поручила группе в министерстве иностранных дел разработать «руководящие принципы» «феминистской внешней политики». Однако «до сих пор никаких результатов не достигнуто». Министр, со своей стороны, «давно симпатизирует этой концепции» и собирается упростить дело на практике, «продвигая женщин в своём министерстве, говоря о них, встречаясь с ними и слушая их». Однако *FAZ* признаёт, что своим кредо «феминистской внешней политики» она сделала себя заметной и создала «бренд, на который Шольц, естественно, не может претендовать как на свой собственный». Это позволило Бербок стать одной из самых популярных политических фигур страны в 2022 г. и преодолеть разделение ролей между «поваром»-канцлером и «официантом»-министром иностранных дел, которое было характерно для этих двух функций до настоящего времени.

В интервью голландской газете *NRC* Бербок объясняет, почему во время каждой зарубежной поездки она «посещает девочек в спортивных клубах и женщин в женских домах»: «Потому что я знаю, каково мне было, когда я, будучи 12-летней девочкой, впервые увидела Мадлен Олбрайт. Это что-то изменило для меня» (14 января).

Впоследствии Олбрайт стала первой женщиной – государственным секретарём (министром иностранных дел) Соединённых Штатов. Она принадлежит к цепочке либеральных интервенционистов из американской Демократической партии, которые оправдывают свою внешнюю политику речами о защите демократии, ценностей и прав меньшинств. В эту цепочку входят советник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, госсекретарь во время 2-го срока Билла Клинтона Мадлен Олбрайт и госсекретарь во время 1-го срока Барака Обамы Хиллари Клинтон.

Позиция Бербок по вопросу войны на Украине и Китая показывает, как ссылки на эту идеологически вдохновлённую внешнюю политику могут также быть вектором вмешательства США в немецкую внешнюю политику.

последнее слово в вопросах внешней политики. Со своей стороны, Бербок, которую *Die Zeit* описывает как «женщину с убеждениями, обеспокоенную судьбой украинского народа, которая не хочет быть покорной, но в конечном итоге оказывается маргинализированной мужчинами канцелярии», похоже, рассматривает разработку Стратегии национальной безопасности (СНБ) и создание нового Совета национальной безопасности как способ получить больше полномочий для своего министерства.

Борьба между властями в Германии

В конце декабря еженедельник *Der Spiegel* сообщил, что Шольц и его министр финансов Кристиан Линднер препятствовали тому, чтобы подготовленная министерством иностранных дел СНБ была вынесена на голосование других министров. По-видимому, Шольц счёл слишком жёсткими положения, касающиеся Китая, а Линднер возражал из-за отсутствия сообщений об отмыкании денег и финансировании терроризма. Второй причиной блокировки может быть объём этой СНБ, которая является первым документом такого рода в истории Германии: по мнению СДПГ, 59-страничная Стратегия является слишком длинной и подробной. Поэтому партия Шольца подозревает, что министр от «зелёных» хочет сократить возможности для манёвра канцелярии, заранее подробно изложив внешнюю политику.

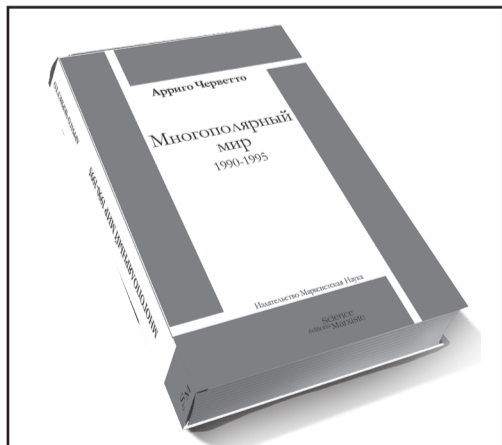
Ещё одной точкой напряжения является возможное создание Совета национальной безопасности для координации реализации СНБ. Шольц хочет, чтобы Совет входил в канцелярию, дабы предотвратить перенос места принятия решений. Эта позиция вступает в противоречие с позицией «зелёных», целью которых является как раз усиление роли министерства иностранных дел. Так, их представитель Юрген Триттин упрекает СДПГ в желании «создать теневое министерство иностранных дел в канцелярии» (*Politico.eu*, 7 февраля).

Der Spiegel резюмирует фундаментальный вопрос: «Кто отвечает за внешнюю политику: канцелярия или министерство иностранных дел? Кто будет доминировать в публичном имидже Германии в ближайшие годы: Шольц, движимый интересами, или Бербок, руководствующаяся ценностями?» (30 декабря 2022 г.). Пока что своей поездкой в Китай и армстрингом с Вашингтоном по поводу поставок танков Шольц на практике показал, что внешняя политика делается в канцелярии.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – В немецком политическом языке – члены умеренных «левых» политических течений, в особенности члены германской партии «зелёных».

2 – Резюме для приёма на работу.

Арриго Черветто

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Российские хроники

Москва использует диалектику единства и раскола империализма

Выступая на правительственном часе в Госдуме министр иностранных дел Сергей Лавров заявил, что «западные страны» стремятся превратить Россию в «страну-изгой» («Ведомости», 15 февраля). В сконструированном идеологами отечественного капитала фантастическом мире «коллективный Запад» навязывает всему остальному реальному миру свои интересы, в то время как другие империалистические хищники, в том числе Россия, находятся на «правильной стороне истории» и пытаются осадить агрессора. Действительный же мир империализма представляет собой эпоху «финансово-го капитала и монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе». Империализм – «это реакция по всей линии при всяких политических порядках»¹. Это мир, в котором идёт постоянная борьба всех хищников за рынки, за передел мира. И, как известно нам, ленинистам, капиталисты «делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации составляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его “по капиталу”, “по силе” – много способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма».

Идеологи Кремля предпочитают не обращать внимания на очевидный факт, что «по капиталу» российский империализм уступает ведущим державам Запада и не только им, поэтому «историко-экономический смысл происходящего»² подменяется ими иррациональными страхами или ещё более иррациональными мечтаниями. От них ускользает содержание современной эпохи, не зависящей от их желаний и устремлений, с её «гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в скорости роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами»³.

Безусловно, от преподавателей кафедры «научного коммунизма» им приходилось слышать, что союзы импери-

алистических держав могут быть лишь кратковременными, не исключаями трений, конфликтов и борьбы «во всяческих и во всех возможных формах»⁴. Тем не менее, теша своё воспалённое эго, они восхваляют собственную политическую мудрость и утверждают, что ничто иное как «выбранный внешнеполитический курс» на преодоление изоляции «показал свою эффективность». В действительности же сама природа империализма предоставляет Кремлю возможность для игры на противоречиях между государствами и группами капитала. В разрываемом противоречиями империалистическом мире любой «изгой» способен найти лазейки и каналы для реализации своих интересов, взаимодействуя как с «неприсоединившимися» странами, так и с отдельными крупными группами и политическими силами в «недружественных» государствах.

Теневой флот Москвы

Американский Bloomberg от 30 января призывает Европу «обратить внимание на то, что происходит прямо у её входной двери». Речь идёт о новом центре нефтяной торговли – маленьком испанском полуострове Сеута, где Россия перегружает нефть с танкера на танкер: «Такой метод позволяет ей уменьшить расходы на перевозку топлива, обходиться ограничением и сохранять логистические цепочки для оставшихся у неё покупателей». Издание обеспокоено тем, что «Россия с Китаем намерены всё активнее заниматься такой перегрузкой в Сеуте».

А чуть ранее, 29 января, The Economist сокрушался: «[...] к огорчению Запада и большому облегчению России [...] новая “теневая” транспортная и финансовая инфраструктура надёжна и обширна», – и далее констатировал факт, который можно назвать имманентно присущим нынешнему порядку вещей в целом, не только сырьевому сектору: «Вместо того чтобы исчезнуть, серый рынок готов расширяться сразу после того, как вступит в силу следующий пакет санкций». При этом, несмотря на всю конфронтационную риторику, которой обмениваются правительства «западной коалиции» и России, часть торговли ведётся с использованием услуг греческих перевозчиков, британских страхователей, а также голландских и японских банков, которые традиционно господствуют в этой отрасли. И как сообщила 7 февраля испанская El Mundo, одним из перевозчиков является габралтарская Federtech.

Как говорит расхожая максима буржуазных экономистов, спрос рождает предложение, и уже образовались «серые» сети для транспортировки российской нефти, которые были созданы новичками, заменившими ушедших с рынка западных трейдеров. Они продают нефть Индии, Шри-Ланке, Турции и другим странам. Участники этих сетей не соблюдают требования ценового потолка, но это не является незаконным, так как они используют незападную логистику и доставляют грузы в государства, которые не поддержали санкции: «Эта непрозрачная, рассредоточенная инфраструктура опирается на три столпа: новый состав трейдеров, обширный и растущий танкерный флот, новые источники финансирования». На текущий момент, по данным The Economist, флот Москвы насчитывает 360 с лишним судов, что эквивалентно 16 % мирового фонда нефтяных танкеров.

Совершенно естественно, что с появлением этого нового сегмента противостояние распространяется и на него: на днях Politico сообщило, что ЕС обсуждает санкции против владельца теневого флота российских танкеров – зарегистрированной в Дубае судоходной компании SUN Ship Management Ltd – за помощь Москве в обходе ограничений на экспорт нефти.

Дорогостоящий газовый поворот на Восток

Ещё один важнейший для российского империализма товар – это газ. И мы уже писали, что Россия совершает вынужденный поворот на Восток, рассчитывая поставлять голубое топливо перспективным экономикам Китая и Индии. Но в отличие от сетей транспортировки нефти газотранспортная инфраструктура требует совершенно других инвестиций и времени для своего создания.

Организовать поставки газа в Индию будет достаточно сложно. Как пишет Moscow Times (31 января), этот маршрут должен либо пересечь одни из самых высоких гор в мире, либо пройти через Афганистан и Пакистан, и в любом случае он будет проходить через несколько стран, что делает строительство и эксплуатацию более дорогостоящими, чем если бы соединение шло между двумя странами с общими границами.

Что касается Китая, то газ туда теперь доставляет газопровод «Сила Сибири», но это сырьё поступает из новых месторождений, расположенных более чем в 2 тыс. км к востоку и почти в 1 тыс. км к югу от месторождений Ямала, которые раньше снабжали Европу, но сейчас не используются не в полной мере. «Газпром» официально оценил стоимость «Силы Сибири» и связанных месторождений газа в 55 млрд долларов. Независимая оценка показала цифру почти в два раза больше – «инвестиции, утверждает компания, никогда не окупятся» (Bloomberg, 29 января).

С другой стороны Турция – член конкурирующего с Россией блока НАТО – заявляет о намерении стать международным газовым хабом, однако для этого, в частности, необходимо, чтобы Россия увеличила мощность второй нитки «Турецкого потока» (на данный момент это лишь 16 млрд кубометров в год) или построила новые газопроводы, способные нивелировать потерю хотя бы одного «Северного потока».

Таким образом, «интеримпериалистский» союз против России – как и любой другой империалистический альянс, в том числе с участием самой РФ – далёк от полной монолитности, и она непременно сможет воспользоваться имеющимися в нём трещинами.

Борьба за колеблющихся

Помимо неоднородных и не слишком монолитных, но всё же более или менее очерченных блоков в империалистическом противостоянии всегда существует большая категория колеблющихся стран, позиция которых в определённый момент времени зависит от соотношения выгод, которые им могут предложить конкурирующие альянсы.

Так, политолог из Университета Куфы Асаад Казем Шабиб в связи с поездкой Лаврова в Багдад в начале февраля высказал во влиятельной Al Jazeera (10 февраля) мнение, что «Россия продолжает свой внешнеполитический

курс в отношении стран, которые колеблются между Соединёнными Штатами и их противниками».

И надо сказать, что для этого есть обширная почва. Ещё 15 июня 2022 года главное американское издание, посвящённое международным отношениям, Foreign Affairs писало, что США пытались перетянуть «глобальный Юг» на свою сторону в украинской войне, но «проиграли»: «Индия и Объединённые Арабские Эмираты воздержались при решающем голосовании по России в Совбезе, а 35 стран, представляющих почти 50 % населения мира, воздержались или проголосовали против принятой ООН второго марта резолюции, осуждающей российскую спецоперацию». Более того, даже такие партнёры Америки, как Израиль и Саудовская Аравия, «избегают прямого участия в усилиях Соединённых Штатов по изоляции России». А ведь есть ещё целый ряд восходящих держав в Латинской Америке и Африке. Мирное противостояние будет становиться всё более запутанным и напряжённым.

Вскоре последуют другие...

Безусловно, российский правящий класс будет играть на этом поле и бравировать тем, что «попытки изолировать Россию провалились», как это сделал Лавров в уже упомянутой речи; будет выставлять российский империализм как «миролюбивую державу», ставшую жертвой спланированного нападения: «Вот этот самый коллективный Запад и есть прямой зачинщик и прямой виновник того, что происходит», – заявил Владимир Путин на встрече с лидерами думских партий 7 июля 2022 года.

Но нашему классу всегда стоит помнить, что виновниками войн являются все империалистические державы без исключения, и в этих войнах сражаются на смерть ещё вчерашние союзники и клянутся друг другу в дружбе вчерашние враги. Ничто иное как динамика неравномерного развития «отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран», лежащая в основе диалектики единства и раскола империализма, постоянно тасует альянсы держав. «Поэтому “интеримпериалистские” или “ультраимпериалистские” союзы [...] в какой бы форме эти союзы ни заключались [...] являются неизбежно лишь “передышками” между войнами. Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»⁵.

Но из этого бега по кругу есть выход. Шла первая осень мировой империалистической бойни, когда Ленин в своей программной статье «Положение и задачи социалистического Интернационала» дал мрачный, но неумолимый научный прогноз: за «данной войной [...] последуют вскоре другие», – но тут же указал на единственное средство, которое сможет это остановить – ряд «успешных революций»⁶.

Февраль 2023 г.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц,
твёрдый переплет,
список аббревиатур,
хронология, библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 419.
2 – Там же. С. 372–373.
3 – Там же. С. 394.
4 – Там же. С. 417.
5 – Там же. С. 417–418.
6 – Там же. Т. 26. С. 41.

Авантюры “русского мира”

Неразрывность времени и пространства в самосознании Кремля

В коллективном сознании российской буржуазии неизгладимую засечку оставили несколько ключевых дат: 1991, 1999, 2004, 2008, 2014. По сути, их можно считать ключевыми точками на временной шкале координат формирования внешней политики Кремля. Теперь к ним добавился февраль 2022 года. Каждая из этих дат связана с определённым разрывом в пространстве, на котором осуществлялась и продолжает осуществляться внешняя политика российского империализма. В этой статье мы остановимся на первых трёх датах.

“Величайшая геополитическая катастрофа XX века”

Именно так назвал распад СССР внешний российский президент.

За крахом государства *ложного социализма* наступил период, который историк Александр Янов назвал *Веймарской Россией*. Любая аналогия хромает, несовершенна и эта. Если Веймарская Германия находилась под угрозой как справа, так и слева, то Кремлю следовало опасаться лишь красно-коричневого реваншизма.

Клиффорд Гэдди и Майкл О’Хэнлон из Института Брукинса 3 августа 2015 года в журнале *Washington Quarterly* писали, что «для российских националистов 1990-е годы были не только периодом, когда был распушен Варшавский Договор, а затем и СССР: это было временем, когда российское государство было в ужасном упадке. Количество населения страны сократилось почти вдвое, военная мощь потеряла две трети с точки зрения своего размера и четыре пятых финансирования». В сентябре – октябре 1991 года Россия, по словам её первого президента Бориса Ельцина, буквально балансировала на краю пропасти.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах значительная часть российской буржуазии пыталась встроиться в Рак Americana. Но даже в этой ситуации Кремль рассматривал постсоветское пространство, а зачастую и сферу влияния СССР, в качестве своей вотчины. Более того, уже в августе 1992 года Евгений Кожокин, один из советников Ельцина, формулировал важный идеологический императив: «Придя к власти, западники должны перестать быть западниками. Западником можно быть только в оппозиции» (“Московские Новости”, 16.08.1992).

При этом озабоченность Кремля вызывало ощущение собственной слабости. В 1995 году на фоне натовских бомбардировок боснийских сербов Ельцин заявлял: «Это первый признак того, что может произойти, когда НАТО приблизится прямо к границам Российской Федерации»¹. И это было сказано тем самым человеком, по поводу которого в марте 1992 года 37-й президент США Ричард Никсон направил Бушу – старшему меморандум, в котором утверждал: «Ельцин является самым прозападным лидером в истории России»². Ничего удивительного: каким бы прозападным человеком ни выглядел Ельцин, он всё-таки был политическим лидером российского империализма. И кроме того, как пишет известный российский дипломат Анатолий Адамишин, в то время большим влиянием на Ельцина обладал министр обороны Павел Грачёв, а не глава МИД Андрей Козырев (“Россия в глобальной политике” № 3, май/июнь 2022).

К этому же историческому периоду относятся “вооружённый нейтралитет” 14-й армии генерала Александра Лебеда в Приднестровье (4 июля 1992 г.), Абхазия, где с июня 1994 года ситуацию кон-

тролировали российские подразделения ВДВ, и первая война в Чечне (1994–1996). Российский империализм никогда, даже в самые трудные моменты своей истории, не прекращал бороться за свои интересы.

Акт возрождения великодержавной политики

24 марта 1999 года председатель Правительства России Евгений Примаков вылетел в Вашингтон. В ходе официального визита он должен был договориться о кредите МВФ в размере 5 млрд долларов. В тот момент, когда самолёт находился над Ньюфаундлендом, раздался звонок: вице-президент США Альберт Гор сообщил об ударах НАТО по Югославии, началась операция “Союзная сила”, решение о которой принял генсек альянса Хавьер Солана. Потрясённый произошедшим Примаков решил отменить визит, и самолёт развернулся над Атлантикой и взял курс на Москву.

Заметим, что решение Примакова получило полную поддержку Ельцина, охарактеризовавшего его в качестве первого шага, который заставил НАТО приступить к политическому урегулированию конфликта. «Фактически речь идёт о попытке НАТО вступить в XXI век в униформе мирового жандарма. Россия с этим никогда не согласится», – заявил Ельцин на следующий день после начала бомбардировок Сербии (Ельцин Б. Н. Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления..., 2008). Стоит обратить внимание и на оценку экс-госсекретаря США Генри Киссинджера, который 29 октября 2009 года в эфире “Первого канала” сказал: «С точки зрения интересов России Примаков был прав».

В июне того же года российские десантники совершили марш-бросок в Приштину, в результате Кремль получил собственную зону ответственности в Косово, которая была оставлена только в 2003 году. В качестве основной причины вывода российского контингента были названы финансовые затруднения: «Министерство обороны приняло решение сэкономить десятки миллионов долларов» (РБК, 24.07.2003).

Тогда же прозвучал слабый, но уверенный голос российских пролетарских интернационалистов, которые вопреки патристическим мифам о “защите братьев славян” заявили о том, что мы являемся свидетелями очередного проявления великодержавных амбиций Кремля.

Оранжевый синдром

24 сентября 2000 года, утверждает главный редактор журнала “Россия в глобальной политике” Фёдор Лукьянов, «произошло событие, предопределившее политическую эпоху». От власти был отстранён сербский лидер Слободан Милошевич. Это был первый пример того, что позже назвали “цветными революциями”. Затем были Грузия, Киргизия, Молдавия и наконец в 2004 году Украина.

Конец периода “цветных революций” Лукьянов считает «началом упадка западного доминирования» (“Российская газета”, 21.09.2020). Оставим за скобками это дискуссионное утверждение, в рамках данной статьи нам гораздо важнее обратить внимание на восприятие этих событий в Кремле. «Запад через Украину приблизился к границам России, начав играть на её дворе»³, – такой вывод, по мнению Лилии Шевцовой, на тот момент являвшейся исследователем лондонского Королевского института международных отношений (The Chatham

цена исторической задержки

Развязанная российским империализмом бойня длится уже более года. Насколько она затянется, неизвестно. За туманом войны скрываются не только истинные намерения Кремля, но и десятки тысяч погибших, раненых, пропавших без вести, миллионы покинувших свои дома. Однозначно не стоит полагаться на фейк-ньюс от российского министерства обороны, которое опубликовало последние данные 21 сентября 2022 года, заявив о 5937 погибших военнослужащих РФ. Если эти данные принять за чистую монету, то невозможно объяснить мотивы, подвигшие Кремль в тот же день объявить *частичную мобилизацию*.

По данным американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), количество погибших с российской стороны составляет 60–70 тыс. человек (включая ЧВК, а также войска ДНР и ЛНР). “Русская служба Би-би-си” сообщает о порядка 15 тыс. погибших (без учёта ДНР и ЛНР). Самопровозглашённая ЛНР не раскрывает потери с начала войны, а ДНР перестала это делать с декабря 2022 года. По данным “Русской службы Би-би-си”, их потери составляют не менее 1.350 и 4.700 человек соответственно. “Новая газета. Европа” в середине июля 2022 года, то есть до начала украинского контрнаступления и последующих тяжёлых позиционных боёв, выяснила, что российские власти выделили семьям погибших и раненных 113 млрд рублей. Исходя из этого можно подсчитать, что к тому моменту российская армия уже потеряла около 15–17 тыс. человек убитыми и ранеными, т. е. каждого десятого от первоначальной группировки.

Валентина Мельникова, ответственный секретарь Союза комитетов солдатских матерей, организации, завоевавшей авторитет в ходе Чеченской войны, утверждает, что с самого начала конфликта с российской стороны не был организован сбор тел погибших. Она не исключает, что одной из причин является традиционный для армии РФ «обичий бардак», в условиях которого «тела закатывали бесстыдными или сваливали в овраги, присыпая землёй» (“Новая газета. Европа”, 10.12.2022).

Если опираться на данные CSIS, то можно говорить о том, что за год войны невосполнимые потери РФ превысили те, что СССР, а затем Россия, понесли во всех войнах после второй мировой вместе взятых. Если в Чечне российская армия теряла от 95 до 185 человек в месяц (общие официально названные потери – более 11 тыс. человек), в Афганистане – 130–145 (официально названные потери со стороны СССР – более 15 тыс. человек), то на Украине количество убитых со стороны РФ составляет 5–5,8 тыс. человек в месяц.

По всей видимости, потери Украины также исчисляются десятками тысяч.

И это ещё не всё. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека сообщает о 7.068 убитых и 11.415 раненых мирных жителей с начала боевых действий по 22 января 2023 года на Украине, в том числе территориях, оккупированных Россией. Среди погибших 438 детей, среди раненых – 838. При этом Управление уточняет, что полные реальные потери среди мирного населения, скорее всего, значительно выше, особенно в таких городах, как Мариуполь, Изюм, Лисичанск, Попасная и Северодонецк, где шли интенсивные боевые действия.

Такова цена, которую в условиях империалистического варварства *новых двадцатых*, приходится платить прежде всего *нашему классу*. Это также конкретная цена исторической задержки в формировании международного пролетарского авангарда.

House), сделало российское руководство. Это событие, считает Шевцова, ускорило «возврат России к державнической матрице»⁴. Председатель Центра либеральных стратегий в Софии Иван Краснев и президент Европейского совета по международным делам Марк Леонард считают, что «Оранжевая революция на Украине стала для российского руководства собственным 11 сентября» (“Россия в глобальной политике”, 17.12.2014). Критически настроенный в отношении политики российского империализма на Украине президент СССР Михаил Горбачёв сравнил первый Майдан с событиями 1989 года: «Стена упала второй раз» (“Независимая газета”, 25.11.2004).

На фоне “Оранжевой революции” в конце ноября 2004 года Луганский обсовет выдвинул проект создания Юго-Восточной Украинской Автономной Республики со столицей в Харькове. Инициаторы обратились к российскому президенту с просьбой о помощи в федерализации Украины. Глава Харьковской области Евгений Кушнарёв предложил всем городам провести референдумы по созданию нового федеративного украинского государства и заявил: «Мы понимаем, что восток имеет серьёзные отличия от Галичины [...] мы никогда не позволим Галичине учить нас, как нужно жить». Донецкий областной совет начал подготовку к референдуму по вопросу предоставления региону статуса республики в составе будущей федеративной Украины. Наблюдая за происходящим, польский президент Александр Квасневский указал на реальный риск распада Украины на две части.

По словам Лукьянова, события 2004 года стали «одним из переломных моментов в российской восприятии внешней политики», а «окончательный слом прежней парадигмы» произошёл десять лет спустя (“Россия в глобальной политике”, 30.01.2020). Для лидеров российского империализма цветные революции стали суккубом – демоном, желающим уничтожить их государство. Для защиты от этого призрака в Кремле готовы использовать любые средства, даже самые крайние, как показал февраль 2022 года.

Чем всё закончится, покажет время, пока же заметим, сомневаться начал даже Лукьянов. 20 февраля в интервью газете “Московский комсомолец” мастер идеологического цеха Кремля сделал невероятное смелое для нынешних времён заявление: «[...] ситуация содержала варианты поведения. И предусматривала более тонкую игру». Выяснение отношений с коллективным Западом было неизбежно, «но сроки и формы могли быть и другими, вероятно, менее опасными». Что бы это значило? Вероятно, беспокойство о будущем российского империализма.

Март 2023 г.

1 – Цит. по: Цивилизация, притворяющаяся страной: ведущие западные аналитики о России. М., 2016. С. 157–158.

2 – Цит. по: Talbot S. The Russia Hand. New York: Random House, 2002. P. 31.

3 – Шевцова Л. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2010. С. 116.

4 – Там же. С. 15.

Борьба с коронавирусом

От недалёковидности до халатности

Закончилась ли пандемия столетия? 27 января Чрезвычайный комитет по Covid-19 в рамках Международных медико-санитарных правил (ММСП) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) провёл своё четырнадцатое заседание, на котором был представлен глобальный обзор текущего состояния пандемии.

В заключительном слове Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус подтвердил режим «*чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение*» (ЧСЗМЗ), объявленный три года назад, 30 января 2020 года, с формулировкой «*чрезвычайное событие, которое может представлять медицинскую угрозу другим государствам-членам*» и требует «*скоординированных на международном уровне ответных мер*» в соответствии с критериями, установленными ММСП (ВОЗ, «Заявление по итогам четырнадцатого заседания Комитета по чрезвычайной ситуации по пандемии коронавирусной инфекции (Covid-19) в рамках Международных медико-санитарных правил (2005)»).

Свет и тьма

По мнению международных экспертов Комитета, пандемия, «*вероятно*», находится на переходном этапе и «*переломный момент*» может быть близок, но опасность для здоровья населения остаётся «*высокой*». Covid-19 по-прежнему является «*опасным инфекционным заболеванием, способным нанести существенный ущерб здоровью и системам здравоохранения*». Более высокий уровень иммунитета среди населения, достигнутый как путём вакцинации, так и за счёт самой инфекции, может ограничить заболеваемость, количество госпитализаций и смертность, однако коронавирус продолжает циркулировать в различных вариантах и подвариантах, в настоящее время – в виде штамма омикрон.

Covid-19 усугубляется возвращением других сезонных респираторных заболеваний. Уже в октябре прошлого года в США забили тревогу по поводу надвигающейся «*триплдемии*» (коронавирус, грипп и респираторно-синцитиальный вирус), которая переполнила больницы и педиатрические клиники, и без того испытывающие нехватку персонала (New York Times, 23 октября).

Число жертв также остаётся высоким. В первую неделю февраля в мире официально зарегистрировано 1,3 миллиона новых случаев заболевания и 14 тысяч смертей; за тот же период год назад было зарегистрировано 19 миллионов новых случаев и 74,5 тысячи смертей. Отступление пандемии в мире протекает неравномерно, а эпидемический взрыв в Китае всё ещё трудно оценить количественно.

Факт остаётся фактом: за последние шесть месяцев, с учётом снятых ограничений, *сожительство* с коронавирусом обошлась миру почти в полмиллиона смертей, связанных с SARS-CoV-2 («Our world in data», 6 февраля).

Были приняты крупные меры, но, как отмечает Комитет по чрезвычайным ситуациям, «*слишком многие страны*» не способны «*предоставить эти инструменты наиболее нуждающемуся населению, пожилым людям и медицинским работникам*». Распределение вакцин служит тому примером: в начале

февраля 63,8 % населения мира прошли цикл первичной вакцинации; в странах с высоким уровнем дохода – 74,7 %, в странах с низким уровнем дохода – 22 % («Our world in data»).

От паники к наплевательству

Перечисляя критические аспекты текущей «*переходной фазы*», ВОЗ с озабоченностью отмечает, что «*снижение восприятия риска населением привело к резкому сокращению использования медицинских и социальных мер, таких как маски и дистанцирование. Нерешительность в отношении вакцин и продолжающееся распространение дезинформации по-прежнему являются дополнительными препятствиями для осуществления важнейших мероприятий в области общественного здравоохранения*». Это также выражается в «*существенном сокращении представления государствами-членами данных о заболеваемости, смертности, выздоровлении и секвенировании Covid-19*» (ВОЗ, указ. источник).

Секвенирование вируса, картирование его генома, является важной частью системы эпидемиологического надзора и незаменимым инструментом для раннего выявления новых мутаций и комбинаций вируса. Неконтролируемая циркуляция инфекции может способствовать появлению новых вариантов, способных уклоняться от приобретённой иммунной защиты, которая в любом случае имеет тенденцию к снижению в течение нескольких месяцев.

«*Во всём мире надзор за Covid терпит неудачу*», – гласит заголовок журнала The Economist 13 января. Британский еженедельник озвучивает оценку Марии Ван Керкхове, технического руководителя ВОЗ по реагированию на Covid-19: господствует мнение о *минувшей опасности*. Количество последовательностей SARS-CoV-2, отправленных в международное хранилище генетической информации GISAID, «*снизилось на 90 % с начала 2022 года, также уменьшилось и количество стран, отправляющих данные*».

Это мнение разделяют многие вирусологи. Эрик Топол, генетик из Scripps Research, пишет в Washington Post, что «*мир потерял бдительность в отношении Covid-19*». И делает это «*в неподходящее время*», когда существует риск появления «*нового семейства вариантов*». «*Политика и нежелание инвестировать*» сдерживают науку (8 января).

Эксперты Комитета ВОЗ не сомневаются, что «*этот вирус в обозримом будущем останется постоянно действующим патогеном среди людей и животных*». Однако «*смягчение его разрушительного воздействия на заболеваемость и смертность вполне достижимо и должно оставаться приоритетной целью*». Для достижения этой цели «*абсолютно необходимы долгосрочные меры в области общественного здравоохранения*». «*Временные рекомендации*», адресованные государствам-членам, включают поддержание мощного потенциала для реагирования на будущие события и их предотвращение, чтобы избежать попадания в цикл «*паники и наплевательства*».

Капельница для здравоохранения

Рекомендации ВОЗ, похоже, не позволяют добиться большей мобилизации ресурсов общественного здравоохра-

нения хотя бы для того, чтобы восполнить уже существовавшие дефициты, которые усугубила пандемия, доведя системы здравоохранения до предела, с численной нехваткой персонала и его перегруженностью.

По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в группе из 20 стран-членов доля расходов на здравоохранение в ВВП в 2021 году составит 9,6 %, что почти не отличается от 9,7 % в 2020 году. Даже принимая во внимание увеличение ВВП в связи с восстановлением экономики, ОЭСР не отмечает больших финансовых обязательств, принятых странами с целью повышения эффективности систем здравоохранения. «*Во многих странах пандемия Covid-19 выявила недостаточную устойчивость систем здравоохранения, чтобы обеспечить странам необходимую манёвренность для реагирования на будущие кризисы, требуется дополнительное финансирование*». Иными словами, необходимо «*укрепление основ систем здравоохранения и поддержка медицинских работников на передовой*» (ОЭСР, Health Statistics 2022).

Следует помнить, что даже в самых развитых странах значительную часть средств на здравоохранение домохозяйства тратят из своего кармана. В Европейском Союзе частные расходы на здравоохранение в 2020 году составили в среднем 14,4 % от общих расходов на здравоохранение (Евростат). В Италии этот показатель составил 21,3 %, и, по оценкам ОЭСР, в 2021 году он вырастет до 21,8. В Прекрасной стране, как называют Италию, по данным Счётной палаты, ассигнования на государственное здравоохранение в соотношении с ВВП вернутся на уровень ниже доковидного в 2024 году.

Скупая солидарность

В разгар пандемического кризиса две группы международных экспертов, одна из которых была организована по инициативе министров финансов и руководителей центральных банков стран «*Большой двадцатки*», а другая – ВОЗ, подробно рассмотрели вопрос о том, почему мир оказался застигнут врасплох пандемией, которая была как предсказуемой, так и ожидаемой. Для того, чтобы предотвратить ещё один «*глобальный провал*», группа экспертов, уполномоченная Большой двадцаткой, призвала ведущие державы немедленно начать выделять не менее 15 миллиардов долларов в год в течение пяти лет, необходимых для заполнения серьёзных пробелов в «*опасно недофинансированной*» системе.

В сентябре прошлого года в Вашингтоне при Всемирном банке был официально учреждён новый «*Фонд финансового посредничества для профилактики пандемий, обеспечения готовности и ответных мер*». Его цель – обеспечить «*дополнительное долгосрочное финансирование для укрепления потенциала профилактики, готовности и ответных мер в странах с низким и средним уровнем дохода*» (Всемирный банк, 9 сентября). «*Для следующей пандемии – это вопрос «когда», а не «если»*», – заявил генеральный директор ВОЗ.

Работа фонда была официально запущена 13 ноября в кулуарах совместного заседания министров финансов и здравоохранения стран Большой двадцатки на Бали (Всемир-

ный банк, 13 ноября). По состоянию на конец января Всемирный банк нашёл 25 доноров (22 государства и 3 благотворительные организации), которые обязались предоставить 1,6 миллиарда долларов. Столько по экспортной цене вне ЕС, указанной компанией AeroTime, стоят 13 современных истребителей Eurofighter Typhoon.

Лоуренс Саммерс (бывший министр финансов США), Роберт Хехт и Шань Со-Лин (Йельский университет) назвали финансирование «*крайне недостаточным*» и выразили надежду, что это лишь «*первый взнос*». По мнению трёх экономистов, на сегодняшний день Covid-19 обошелся мировой экономике в 12,5 триллионов долларов. Чтобы укрепить глобальный потенциал готовности к пандемии, финансирование должно составлять от 20 до 50 миллиардов в год. Прежде всего, эти деньги не должны браться из «*крайне ограниченных бюджетов систем здравоохранения*», а должны предоставляться дополнительно и желательно по линии «*национальной безопасности*» (Washington Post, 30 января).

По оценкам Международного валютного фонда, мировой валовой продукт в 2022 году превысил 100 триллионов долларов, 84 % из которых придётся на 25 ведущих стран. На то, чтобы «*создать более безопасный мир*», пока идут только крохи.

Шкала приоритетов

За три года пандемии наука пережила ускорение, добившись больших достижений в области медицины. Вакцины, противовирусная терапия, диагностика; открылись новые медицинские горизонты. Однако, объясняет Маркс, «*капитал присваивает «чужую» науку, как он присваивает чужой труд*»; «*наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к расширению*»¹.

Выгода, которую всё человечество может извлечь из развития производительных сил, подчинена экономическим законам общества, разделённого на классы, и интересам, на которые ориентируются политические решения. Мир заплатил за непредусмотрительность правящих классов катастрофой, социальные последствия которой ещё не могут быть оценены в полной мере. Она оставила после себя более 20 миллионов смертей, «*избыточных*» по отношению к среднему показателю за годы, предшествовавшие пандемии («*The pandemic's true death toll*», The Economist 12 февраля); тяжёлое наследие в виде по меньшей мере 65 миллионов человек, испытывающих долгосрочные последствия вируса, «*longcovid*» (Nature, 13 января), миллионов пропущенных или отложенных диагностических процедур.

Говоря о землетрясении в Ирпении в 1980 году, Арриго Черветто заметил, что, согласно марксистскому анализу, «*капитал, государство, правительство не приспособлены для борьбы со стихийными бедствиями*» («*Opere*», vol. 18). Производительные силы предлагают множество средств для предотвращения будущих катастроф в области здравоохранения. Однако приоритеты, очевидно, другие.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 398, 619.

Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма

Вариации и градации демократии в Китае

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книге Джулио Мотозу *“Democrazia imperialista in Cina”*.

Только материалистический анализ взаимодействия между базисом и надстройкой может объяснить разнообразие политических форм. Почему утверждение капиталистического способа производства в Китае происходило в народнической и маоистской формах? Почему китайский империализм находит своё выражение в однопартийном плюрализме КПК, а не, например, в классической многопартийной системе империалистической демократии? Этот специфический политический анализ должен заниматься не поиском экономических причин, определяющих политическую борьбу в Китае, то есть научным исследованием, устанавливающим её предпосылки, а исследованием «способа», которым эта экономическая борьба проявляется в надстройке. «Марксистская наука, которая анализирует основополагающие экономические факты, может заблаговременно определить интересы, которые найдут своё выражение в политической борьбе. Но в какой форме эти интересы представляют себя политически, сможет сказать лишь последующий анализ идеологических концепций»¹.

В Китае посредством множества надстроечных факторов утверждали себя политические формы глобального капиталистического экономического развития. Решающими орудиями политического анализа конкретного хода борьбы в этой стране станут для нас понятия случайности и неравномерности политического развития, роли личностей, обратной связи надстройки с ходом развития базиса.

В письме к Людвигу Кугельману от 17 апреля 1871 года Маркс писал: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих “случайностей”, среди которых фигурирует также и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения»².

А Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 года замечал: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троюкого рода. Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идёт быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определённых направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»³. Эта мысль обязательно должна быть применена к исследованию такого феномена, как “культурная революция”.

К концепции «вариаций и грааций» конкретных политических форм об-

ращается и Гуидо ла Барбера в книге *“L'Europa e lo Stato”* (“Европа и государство”), исходя из теоретических основ марксистской концепции демократии. В “Капитале” специфические формы государства всегда восходят к отношению «собственников условий производства к непосредственным производителям». Маркс пишет в I томе, что, с одной стороны, покупатель и продавец должны быть юридически равны, чтобы в сфере капиталистического обращения имел место свободный обмен рабочей силой; с другой стороны, в сфере производства капиталист присваивает себе прибавочную стоимость, произведённую свободным от средств производства наёмным работником, продающим собственную рабочую силу. Итак, закон собственности превращается в свою диалектическую противоположность – закон капиталистического присвоения. Равноправие в сфере обращения и присвоение в сфере производства прибавочной стоимости составляют основу демократии как лучшей оболочки капитализма. Маркс предостерегает: «Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своём проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁴.

С одной стороны, эта оговорка позволяет накрыть формы централизации плюрализма сил в китайской политической оболочке концептуальным зонтиком империалистической демократии – политической формы, соответствующей экономическому базису империалистической фазы и проявляющейся во множестве вариаций и грааций. С другой стороны, если учесть, что экономический базис Китая является империалистическим, то понятие “вариаций и грааций” открывает обширное поле для сравнения политических форм, в рамках которого можно оценить эффективность, ограничения и потенциал китайского однопартийного плюрализма как в пространстве – в сравнении с другими политическими формами новых и старых держав, так и во времени – в историческом процессе утверждения демократической формы как наилучшей оболочки капитала, а значит, проанализировать долгосрочные перспективы политических форм также и в Китае.

Ариго Черветто в “Политической оболочке” исследует «разнообразие форм»⁵ политической концентрации, обращаясь к полемике Ленина с империалистическим экономизмом Юрия Пятакова. Возникновение трестов и крупных банков, говорит Ленин, неизбежно при любом развитом капитализме, но в разных странах они принимают различные конкретные формы, тем более «неодинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах – Америке, Англии, Франции, Германии»⁶.

Этот критерий полезен и при сравнении непохожих друг на друга политических форм во времени, или в процессе утверждения империалистической демократии, общие политические закономерности которой рассматриваются в *“L'Europa e lo Stato”*: «Существует законо-

мерная тенденция к империалистической демократии. В развитии каждого политического процесса есть закономерность, пробивающаяся сквозь отклонения, колебания и противоречивые движения. Только диалектический метод способен охватить все последствия политического цикла. Генерализация и утверждение империалистической демократии проходит через колебания и противоречия относительно “медианы” чистой формы; именно процесс утверждения империалистической демократии порождает среди своих побочных, частных и исторически предварительных результатов фашизм и нацизм. Закономерность противоречивого движения политических процессов приводит к тому, что не существует глубоких политических изменений, которые не совершались бы через противоречия, при этом само движение представляет собой непрерывно порождаемый, перестраивающийся и преодолеваемый дисбаланс».

Вариации и противоречия – это и есть способ утверждения империалистической демократии, мирового процесса, связывающего отдельные односторонние проявления политических форм империализма как единого экономического явления.

В редакционной статье “Идеологии и силы империалистической демократии”, опубликованной в нашей газете в мае 2019 года, эта концепция указана в числе инструментов, позволяющих найти решение китайского вопроса империалистической демократии. Там рассматривается история утверждения буржуазии в Великобритании, Франции, Германии, Соединённых Штатах, Италии и т. д. через призму «вариаций и грааций», которые породило развитие демократии в её «различных институциональных решениях», таких как парламентская и президентская республики, канцлерство и т. д. Точно так же «конкретная история борьбы классов и государств объясняет отступление и отклонения от специфической демократической формы в удивительных чертах буржуазного плюрализма, воплощённых в нацизме и фашизме, когда в бурях 20-х и 30-х годов отряды мировой буржуазии на ощупь искали формы империалистической демократии, которые приобрели свой всеобщий характер только после второй мировой войны». Речь идёт о «несовершенных формах централизации плюрализма», где плюрализм властей присутствует в любом случае, «хотя и в задушенной, потенциальной, невыраженной форме».

Мы подчёркиваем этот момент, чтобы продемонстрировать связь плюрализма сил со всеми его нечистыми, т. е. реальными, политическими формами, одной из которых является и китайская оболочка. Если это относится к каждой империалистической политической оболочке, то это потому, что плюрализм является «не столько идеологией, сколько экономической реальностью», как указывает Черветто: «Плюрализм крупных групп на империалистической стадии и непосредственная детерминация ими политики выходят за рамки демократической формы. Даже если это и лучшая оболочка, содержание плюрализма крупных капиталистических групп находит свою оболочку и в форме фашизма»⁷. Тем более оно может найти своё выражение и в китайской оболочке, которая является не фашистской, а специфической континентальной формой, внутри которой исторически выражают себя провинции, военные округа, крупные капиталисты и т. д.

В ноябрьской редакционной статье 1998 года “Монетарная власть и европейская империалистическая демократия” было проведено исследование данных эмпирических обстоятельств, порождающих вариации и градации конкретных политических форм, развив его в анализ неравномерного империалистического созревания держав. «Во-первых, различные метрополии унитарного империализма созревают экономически в разное время и в разных ритмах. Во-вторых, отражение этого империалистического созревания на политическом и институциональном уровнях демонстрирует неодинаковые тенденции различных степеней соответствия».

Экономические признаки империализма вызревают в основных державах в разное время и в разной степени: задумайтесь о разных формах и степенях концентрации капитала и финансовой централизации, формах предприятий или различном формировании крупных континентальных групп в США, Европе и Китае. Прежде всего, державы приспосабливают свои политические и государственные инструменты к новым империалистическим условиям с неодинаковой скоростью и эффективностью. В свою очередь, «это империалистическое политическое созревание происходит, исходя из различных предшествующих государственных, институциональных, культурных, идеологических условий. Наконец, трансформация этих надстроек оформляется в условиях изменения отношений между державами, включающих войны и межимпериалистические союзы, которые мешают или благоприятствуют этому политическому процессу».

Отметим: одним из аспектов отношений, в рамках которых Пекин должен формировать и корректировать инструменты империалистического государства, являются войны. Соотношение сил влияет на время и формы процесса утверждения империалистической демократии через отклонения и противоречия.

Это то, что мы находим в теоретическом китайском тезисе о «сильном государстве» как условии «работоспособной демократии», который предполагает восхождение Дракона к развитой демократии, и единственным кажущимся парадоксом является тот факт, что во всяком случае старые демократии будут сопротивляться восхождению новой державы и, следовательно, замедлять её демократизацию или использовать её в своих интересах, чтобы ещё раз ослабить и расколоть. Однако и в этой версии темпы стратегического восхождения Китая, решающие проблемы Южно-Китайского моря и Тайваня, войны и кризисы империализма целиком входят в «многогранное сочетание тех “данных эмпирических обстоятельств”, которые обуславливают “вариации и градации” чистых политических форм в неравномерном политическом развитии».

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 62.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 33. С. 175.

3 – Там же. Т. 37. С. 417.

4 – Там же. Т. 25. Ч. II. С. 354.

5 – Черветто А. Указ. соч. С. 163.

6 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 30. С. 122–123.

7 – Черветто А. Указ. соч. С. 74.

Равновесие властей и китайский центральный банк

«Непримиримый антагонизм» между купателями и продавцами рабочей силы, между эксплуататорами и эксплуатируемыми, непосредственно отражается в политической борьбе между пролетариатом и буржуазией, но также провоцирует стратегические и тактические расхождения буржуазии по отношению к пролетариату. Это, по сути, и есть «объективная основа процесса демократизации, который выражает стратегическую и тактическую линию фракций господствующего класса, заинтересованных в политической форме, наиболее функциональной для производства и обращения капитала». Теоретические основы данного процесса Ариго Черветто прослеживает в I и III томах «Капитала».

Во-вторых, существует «примиримый антагонизм» между группами и фракциями правящего класса. «Этот антагонизм также отражается на динамике политической борьбы непосредственно, через формирование политических течений, которые выражают интересы различных индивидуальных капиталов или группировок индивидуальных капиталов и которые воспроизводят на политическом уровне столкновение их интересов, которое происходит на уровне базиса, и косвенно, потому что эта динамика неизбежно оказывает влияние на пролетарские слои»¹.

Одно из преимуществ демократии для капитала заключается именно в возможности использования пролетариата, вплоть до гарантирования ему более совершенных форм классового сотрудничества в ведении империалистической конкуренции и войн. С другой стороны, политические формы буржуазной диктатуры принимают дисфункциональный вид, например, во франкизме, потому что в таком случае классовая борьба сразу же направляется в антигосударственное русло, осложняя для фракций использование пролетариата в борьбе между собой.

Черветто анализирует ограничения франкистской формы в статье «Испания в отношениях между державами» (октябрь 1975 года) в свете глубоких изменений в социальной структуре испанских классов и их фракций, связанных с мощным послевоенным развитием европейского рынка. Мы возвращаемся к этому тексту, прислушиваясь к созвучиям с процессами развития в Китае. «Промышленный капитализм уменьшил вес аграрной буржуазии, рабочий класс занял место бедного крестьянства», – пишет Черветто. Мощные темпы прироста промышленного пролетариата вызвали обострение экономической борьбы, которая подчеркнула ограниченность фашистской формы государства. «Фашизм, с его корпоративистской теорией и практикой примирения классов, показал себя совершенно бессильным не только в предотвращении забастовок, но и в их подавлении. Даже напротив: чем больше он пытается их подавить, тем в большей мере заставляет экономическую борьбу пролетариата, объективное явление, обусловленное развитием рынка, идти против государства, то есть против машины угнетения, с помощью которой капитализм осуществляет свою диктатуру. Фашистская форма в этот момент становится для промышленного капитализма дефективной формой государства».

Кризис франкизма указывает испанскому капитализму на демократию как на форму, «наиболее подходящую для того, чтобы зафиксировать практику классового примирения» в непрерывном цикле экономической борьбы: «Только демократическое государство может в этой ситуации создать возможности для реальной буржуазной диктатуры, потому

что ему удаётся сдерживать борьбу пролетариата в экономических рамках и перенаправлять на парламентский уровень тот политический импульс, который в ином случае был бы направлен против буржуазного государства. Это происходит как раз в связи с тем, что в своей фашистской форме государство отождествляется с подавлением экономической борьбы. В общих интересах испанской буржуазии, напротив, добиться того, чтобы пролетариат не отождествлял фашизм с государством. В её общих интересах также и то, чтобы рабочий класс стал только антифашистским, но не антигосударственным, поскольку в таком случае он может остаться демократическим и принять капиталистическую диктатуру в её демократической форме. Таким образом, испанская буржуазия сможет обеспечить преемственность государства в фазе экономического развития, которая определяет долгосрочный ход классовой борьбы».

Суть исследуемого вопроса заключается в поиске государственных форм, наиболее подходящих для управления объективным ходом экономической борьбы пролетариата – эта проблема также проявляется в Китае и находит подтверждение в тред-юнионистской критике как либерального, так и социал-демократического толка в адрес государственного профсоюза. Однако «примиримая» борьба между буржуазными фракциями также объективна, и, учитывая принципиальное отличие от «непримиримого» антагонизма по линии «буржуазия-пролетариат», она также с исторической необходимостью требует функциональной оболочки для своего выражения или, по крайней мере, снижения затрат политической энергии в рамках внутреннего метаболизма, особенно внутри континентального целого. В китайских дебатах заметны глубокие следы этого явления, не только в том смысле, что внутренняя борьба может подорвать плюралистическую централизацию. Исторический кошмар национальной буржуазии заключается в том, что борьба между фракциями, находящими своё выражение в провинциях или военных регионах, обратится против пекинского центра и станет в данном отношении антигосударственной.

Чтобы глубже проникнуть в этот аспект, необходимо вернуться к марксистской теории государства, противопоставляющей себя субъективистской концепции политики, и к борьбе Ленина с русским легальным марксизмом, к которой Черветто обратился в «Политической оболочке». Сточки зрения Петра Струве, характерным признаком государства являлась «принудительная власть»; Ленин, следуя за Энгельсом, отвечает, что «существенный признак государства [...] состоит в публичной власти, отделённой от массы народа», и приходит к выводу, что характерным признаком государства является «наличие особого класса лиц, в руках которого сосредотачивается власть». Действительно: «Общину, в которой «организацией порядка» заведовали бы поочерёдно все члены её, никто, разумеется, не мог бы назвать государством». Как правило, именно в государственной машине буржуазия размещает «своё излишнее население»².

Поэтому характерной чертой государства является не столько власть или даже принуждение, сколько отделение политической власти: чем больше буржуазия концентрирует реальную экономическую власть в своих руках, тем больше политическая власть удаляется и отделяется, посредством государства, от народной массы, а значит, и от пролетариата. «Не бюрократия концентрирует

власть в руках буржуазии: она является лишь особым орудием процесса концентрации политической власти, являющейся результатом процесса экономической концентрации. Принудительность заключается в общественных отношениях: это объективная принудительность, обусловленная действием экономических законов, регулирующих капиталистический рынок».

Принуждение, таким образом, не является фундаментальной чертой государства, так как оно отражает в процессе концентрации власти процесс экономической концентрации. Это означает, отметим мы, что анализ концентрации и централизации капитала в Китае в то же время является предпосылкой для изучения закономерностей плюралистической централизации. «Не может быть экономической концентрации, которая бы не вела к централизации политической власти. Многочисленность центров экономической концентрации, дающая место плюрализму политических сил, не ослабляет различий между публичной властью и народной массой, наоборот, обостряет их».

Формирование крупных империалистических групп и концентрация в крупных экономических районах континентального империализма как раз и находит выражение в политическом плюрализме и не ослабляют, а акцентируют характерную черту государства. «Демократия империалистической фазы, в конечном счёте, является максимальным политическим выражением экономической концентрации. Она выделяет основную черту современного государства: централизацию политической власти»³. Империалистический плюрализм создаёт пространство для политической централизации, которая находит своё высшее выражение в плюрализме властей империалистической демократии. Таким образом могут быть исследованы не только данная, но и все остальные формы плюралистической централизации.

Следует подчеркнуть, что в понятии отделения государственной власти лежит теоретический зародыш нашей концепции демократии как наилучшей оболочки: чтобы представлять буржуазию, государство должно демонстрировать свою независимость от неё. «Именно в этом диалектическом скачке, в иллюзорной независимости государства, выступающей его действительной формой зависимости от буржуазии, следует искать теоретический зародыш тезисов Ленина и Энгельса о демократии как «наилучшей оболочке» капитализма и о косвенном, но от этого ещё более надёжном господстве капитала над ним».

Кроме того, следует усвоить закономерности, касающиеся отделения и централизации государственной власти, а также совершенствования государственной машины на империалистической фазе. Здесь множественность центров экономической концентрации, т.е. множественность фракций и групп правящего класса, порождает плюрализм политических сил, «но это не ослабляет ни отделения государственной власти, ни её централизации. Равновесие властей подкрепляет отделение и централизацию» («Европа и государство», Lotta Comunista, 2006).

Теоретические сражения ленинизма в Европе утвердили равновесие властей европейского империализма в статусе характерной черты современного государства по отношению к пролетариату в целом, по отношению к односторонним действиям отдельных капиталистов и в конкуренции между государствами. Отделение и равновесие властей функциональны для классового господства: «Ни один вариант отделения государственной

власти и равновесия властей не может ускользнуть от этого научного открытия», включая, поскольку это является объектом нашего рассмотрения, китайский вариант мандаринского плюрализма. Мы придерживаемся этой концепции, рассматривая последний аспект – монетарную власть.

Достаточно вспомнить о борьбе Чжоу Эньлая, Чэнь Юня и Чжу Жунци за утверждение отделения государства по отношению к провинциям и отдельным фракциям буржуазии. Также можно задуматься о совершенствовании китайской монетарной власти в процессе её интернационализации. «Закономерность появления монетарной власти в крупных метрополиях» зафиксирована в «Европе и государстве» в качестве «типичной характеристики империалистической фазы, в которой заметен отпечаток господства финансового капитала. Она также является проявлением исторической необходимости: в том числе и на этой почве равновесие государственных властей должно отражать как общую волю, так и конкуренцию империалистических групп». Этот тезис помогает подтвердить распространение и утверждение империалистической демократии: «С точки зрения монетарной власти, повсеместное появление центральных банков является эмпирической проверкой закономерности демократии как наилучшей оболочки».

В китайском случае закономерность подтверждается становлением Народного банка Китая как «истинного центрального банка» начиная с 1980-х годов и эволюцией его независимости от провинций с 1990-х годов. Можно вернуться к исторической закономерности плюрализма властей. «Появление монетарной власти как проявления развития равновесия властей на империалистической стадии должно снова нас привести к закономерностям государственных властей, через призму которых общая функция демократии заключается в представлении групп и фракций буржуазии». В новой расстановке сил монетарная власть переплетается в рамках равновесия с другими: исполнительной, законодательной и судебной властями в теоретическом обобщении английской практики, сформулированном Монтеスキё. Однако тот же процесс зачастую имеет место и в других несовершенных и искажённых формах плюралистической централизации.

«В действительности подобные закономерности, пусть и в сдержанной, потенциальной, невыраженной форме, прослеживаются и в несовершенных формах плюралистической централизации, таких как переходные формы фашизма, нацизма или сталинизма. Плюрализм властей там не имеет места или имеет лишь формальный характер, однако всё равно присутствует в плюрализме надстроек и некая форма равновесия. В переходных формах в определённой степени отмечается феномен нарушения равновесия и несоответствия. Несовершенные формы несовершененно отражают отношения между конкретными интересами групп и фракций и общими интересами. [...]»

Не существует варианта отделения и централизации государственной власти, который бы избежал закономерностей плюралистической централизации.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 79.

2 – Там же. С. 227.

3 – Там же. С. 92.

Хроники Шёлкового пути

Опасное десятилетие битвы за производительность

Китайскому аэростату, сбитому истребителем "F-22 Raptor" у побережья Южной Каролины, удалось собрать некоторые данные о давлении и температуре американской политической атмосферы, касающейся отношений с Китаем. По словам старшего редактора "Жэньминь жибао" Дин Гана, эти оценки касаются взаимодействия между Конгрессом, лоббистами военных расходов и СМИ, а также поведения Белого дома. Таким образом, и Вашингтон, и Пекин демонстрируют «значительную сдержанность на правительственном уровне», что, «вероятно, является самым важным элементом теста». Но всё равно неизвестно, в какой степени президент сможет контролировать или координировать взаимодействие с Конгрессом на этапе относительной стабилизации отношений, инициированной в ходе ноябрьского саммита на Бали Джо Байденом и Си Цзиньпином.

Новую комиссию по стратегическому соперничеству с Пекином возглавляет депутат от штата Висконсин Майк Галлахер, на которого значительное влияние оказала книга "Danger Zone" исследователей из Американского института предпринимательства Хэла Брэндса и Майкла Бекли.

«Опасная зона»

Авторы этого политико-литературного труда явно подхватили новую антикитайскую горячку, но сам факт заражения коренится в «параноидальном стиле» американской политики, участником которой с опаской взирают на любые летающие объекты, появляющиеся в американском небе, прилетают ли они из Китая, в прошлом из СССР или из другого места. В данном случае нарратив отталкивается от даты 18 января 2025 года, когда, по сценарию авторов, в процессе всё ещё опротестовываемых выборов президента США «теперь уже привычные» китайские военно-морские учения вокруг Тайваня внезапно превращаются в атаку с ударами по островам Окинава и Гуам и американскому авианосцу.

Авторы оспаривают «традиционное видение» Вашингтона: по их мнению, Китай придёт в упадок раньше, чем ожидалось, это произойдёт по демографическим причинам, а также из-за стратегического окружения; осознание того, что окно возможностей продлится всего около 10 лет – именно этот период и есть «опасная зона» – подтолкнёт Дракона к катастрофическому применению силы против Японии, Индии, Филиппин или Тайваня, даже несмотря на риск войны с США: «С 2020 по 2035 год Китай потеряет около 70 миллионов взрослых трудоспособного возраста и получит около 130 миллионов пожилых людей» пенсионного возраста.

Количество и качество демографического фактора

Это демографический фактор, который мы долгое время учитывали в нашем анализе социальных изменений в главных империалистических метрополиях. Он связан как со снижением рождаемости и последующим обмелением бассейнов рабочей силы в условиях противостояния держав и их систем социального обеспечения, так и с динамикой, подпитываемой восхождением азиатских «гигантов», чей де-

мографический вес постепенно включился в процесс империалистического развития. Арриго Черветто в 1994 году, связывая два эти аспекта, писал, что Китай, обладая в 4 раза большим населением по сравнению со Штатами, может достичь уровня ВВП США, имея даже в 4 раза меньший ВВП на душу населения. Он предупреждал: «Демографический фактор, которым часто пренебрегали в аналитических работах последнего пятидесятилетия, становится решающим. Мы увидим это в ближайшем будущем»¹.

А Европа, чтобы противостоять «демографической удавке», должна была «значительно сократить свою систему социального обеспечения и ввозить молодых иммигрантов»².

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕРЖАВЫ

	Возраст 15-64 года		Возраст 65+	
	2020	2035	2020	2035
США	219	224	55	78
Европа	485	451	143	180
Китай	989	931	180	315
Индия	939	1079	93	159

Население в миллионах человек по возрастным группам.

Источник: ООН, "World Population Prospects".

После почти 30 лет экстенсивного и интенсивного развития Китая демографический фактор продолжает оставаться частью метаболизма восходящего китайского империализма, но в следующие 5 лет страна выйдет на демографическое плато, а население трудоспособного возраста начнёт сокращаться. Центром формирования потоков рабочей силы и стремительного роста численности пролетарской молодёжи станет Индия. В Китае к демографическому фактору, действующему в противостоянии держав континентального масштаба, добавляется детерминанта «совокупной производительности», имеющей значение в борьбе за глобальные рынки.

Всемирный банк оценивает такой показатель, как ВВП в расчёте на одного занятого по паритету покупательной способности, и этот индекс свидетельствует, что Китай с 33 тыс. долларов США в постоянных ценах 2017 году достиг примерно четверти уровня США (136 тыс. долл.), тогда как в Европе это значение составляет 98 тыс. долл., а в Японии – 77 тыс. долл. Размер Дракона беспокоит старые державы, даже несмотря на то, что его производительность пока в разы ниже, чем у них.

Китай включается в охоту за головами и оружием

Демографическая удавка может вынудить Пекин заняться регулированием внутренней миграции или в недалёком будущем приветствовать иммиграцию из Африки и Азии. В последние годы об этом всё чаще пишут в местных газетах: Китай «по-прежнему отстаёт от своих глобальных конкурентов в привлечении иностранных рабочих» (Global Times, 12.11.2018). Однако тогда же заявлялось, что основным рычагом противодействия сокращению численности населения станет

экономическая и промышленная реструктуризация, нацеленная на рост производительности внутри огромного китайского демографического бассейна, способного сдерживать одиннадцать «Японий».

С этим была связана необходимость сокращения количества случаев досрочного ухода из школы представителей второго поколения непостоянного населения. Тем временем Шёлковый путь должен был способствовать эмиграции китайского капитала в сторону «молодых» капитализмов.

Проблемные места снова всплыли с выходом из пандемии, при том что реформа хукоу – китайского режима проживания – де-факто не добилась большого прогресса, что привело к анекдотическим историям в некоторых городах.

«Случайный» конфликт

По оценкам ОЭСР, государственные социальные расходы Китая составляют 8 % ВВП по сравнению со средним показателем в 20 % в странах ОЭСР. По данным ООН, к 2035 году соотношение между экономически активными и пожилыми людьми в Китае будет похоже на американское, но лучше, чем в Европе и Японии.

Стивен Роуч считает, что расширение социального обеспечения может стать одним из рычагов преобразования части многочисленных китайских сбережений в потребительский и, следовательно, промышленный спрос, посылать систему «железной чаши риса», демонтированную в 1990-х годах, уже давно заменили частные сбережения. В своей книге "Accidental Conflict" бывший банкир Morgan Stanley Asia оставляет открытым вопрос о том, приведёт ли китайская линия «всеобщего процветания» к росту ВВП, который зависит в том числе и от внешнего спроса, но считает это правдоподобным, а в схеме «двойной циркуляции» он видит страховочный механизм.

Кризис китайско-американский созависимости

По словам Роуча, отношения с Пекином «разоблачают» «великий американский парадокс» первой мировой державы, «скованной сбережениями»: Америка «долгое время процветала не по средствам», двигаясь от пузыря к пузырю в чрезмерном расширении своего образа жизни и разбазаривании долларовых состояний. Мощная политическая уловка, приписывающая вину за нерешённую американскую проблему дефицита Китаю, «начинает жить своей собственной жизнью» в Вашингтоне, превращая созависимость между двумя державами в «опасную зону», что может предшествовать войне. Тем не менее китайский «средний класс» имеет «потенциал крупнейшего источника роста глобального совокупного спроса в первой половине XXI века», и Соединённым Штатам следует делать на него ставку.

Роуч, являющийся членом «китайской партии» в Америке, поддерживает стратегическое соглашение, которое должно начаться с согласованного раздела внутренних рынков. Вашингтону и Пекину следует сформировать постоянный стратегический секретариат и возобновить переговоры по Двусторон-

нему инвестиционному договору (Bilateral Investment Treaty, BIT), которые начались в 2008 году, но были прекращены в 2017-ом, когда уже было сделано «более 90 %» работы.

Тезис Роуча о «созависимости» перекликается с концепцией «Бреттон-Вудса – II», разработанной Питером Гарбером, Дэвидом Фолкертом-Ландау и Майклом Дули 20 лет назад, именно в предсказании, что в течение двух десятилетий Китай вместо азиатской «периферии» будет ассоциироваться с глобальными финансовыми «странами ядра», трансформировав американскую «зависимость» от азиатского капитала. С другой стороны, как предсказывал Алан Гринспен в книге "Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы", уровень «избыточных сбережений», перерабатываемых в США, т. е. скорость вхождения новой китайской рабочей силы в круговорот международного капитала, достигнет в этот период своего «пика». Кризис 2008 года и начало реструктуризации в Китае ускорили эти изменения, но продлили долговой цикл старых метрополий. «Случайный конфликт» между должником и кредитором может быть просто одним из результатов тех отношений «созависимости», которые вступили в кризис.

Серебряная пуля и тактическая уловка

По мнению Роуча, военные расходы Китая могут превысить расходы США в 2032 году, но Пекин рискует испытать «преждевременную сверхэкспансию», если он будет пытаться завоевать геополитическую власть, прежде чем консолидирует свою экономическую мощь в рамках линии умиротворения Вашингтона. Брэндс и Бекли считают, что США снова возьмут на себя инициативу, когда демографический фактор как минимум замедлит бег китайского конкурента, а возможно, и ускорит продвижение Индии, и Вашингтону следует довести военные расходы с 3 до 5 % ВВП, выбрать, какие китайские возможности могут «деградировать», и осуществить выборочный roll-back в этой «гонке со временем», избегая при этом «загонять Китай в угол». Инициировав технологическое отречение от Китая на избранной территории полупроводников, передовых чипов и т. д., США стремятся украсть у Дракона время в его гонке за увеличением производительности. И уже скоро мы сможем убедиться, была ли эта тактика успешной.

Для Роуча это исключительно «тактический штурм», не касающийся стратегии. Сунь Сихуэй из пекинского Национального института международной стратегии пишет, что американская блокада создаёт лишь «временные» трудности для китайских компаний, но отталкивает союзников США.

Вернуть время, украденное у Пекина, а, возможно, даже дать дополнительное, могла бы Европа, которая дистанцировалась бы от американской тактики декаплинга, как произошло в Ираке.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Черветто А. Многополярный мир. 1990–1995. Киров: Марксистская наука, 2006. С. 174 (перевод исправлен).

2 – Там же. С. 175 (перевод исправлен).

Атомное оружие, перевооружение и иммигранты в балансе Сеула и Токио

Nikkei пишет, что вопрос о ядерном перевооружении «громко вошёл» в сеульские дебаты с ноября прошлого года. В то время консервативная партия («Сила народа»), представителем которой является премьер-министр Юн Сок Ёль, представила доклад, в котором поддержала создание национального ядерного арсенала или в качестве альтернативы возвращение американских тактических боеголовок, выведенных в 1991 г. Эти позиции уже циркулировали во время предвыборной кампании и недавно были возрождены в серии публичных заявлений Юна.

Прецедент «евроаркет»

По мнению Ли Джонъ Ына, редактора газеты *Korea Herald*, имеющего связи в оборонной сфере, в основе дебатов между Сеулом, Токио и Вашингтоном об укреплении американского расширенного сдерживания лежат напряжённость в отношениях с Северной Кореей и международная ситуация: сторонники возвращения американских боеголовок в Азию или даже создания независимых арсеналов стали «преобладать во внутренних дебатах». По мнению Ли, эта дискуссия высвечивает отголоски «кризиса евроаркет» в Европе конца 1970-х гг.: развёртывание танков «Pershing II» и крылатых ракет в ответ на размещение Москвой ракет РСД-10 «Пионер».

В этой истории, как напоминает наш анализ, оказались замешаны Япония и Китай: Ясухиро Накасонэ занял позицию о «неразрывности» сдерживания между европейским и азиатским театрами и призвал к выводу РСД-10 также из Азии; он предупредил, что ответной мерой может стать ядерное перевооружение Японии. Как отмечает Рэндалл Шрайвер, бывший заместитель министра обороны в администрации Трампа и соавтор недавнего доклада Центра стратегических и международных исследований (CSIS), сегодняшняя обстановка в сфере безопасности «создаёт пространство» для Токио в вопросе размещения ядерного оружия, хотя для Японии «время действий ещё не пришло». Такие угрозы, как перевооружение Северной Кореи, военная модернизация Китая и российская агрессивность, позволяют союзникам обсудить «полный спектр стратегических вариантов» в отношении расширенного сдерживания.

Проблема «совместного владения» ядерным оружием

Как в позициях Сеула, так и в более сдержанной линии Токио, вопрос о расширенном сдерживании увязывается со стратегией «интегрированного сдерживания», продвигаемой США в качестве противовеса Китаю в Азии. По мнению комментатора Брэда Глоссермана, бывшего сотрудника Тихоокеанского отдела CSIS, Вашингтон преодолевает своё традиционное нежелание позволить своим союзникам «стать более независимыми» и «получить больший голос в процессах принятия решений». Признаком перемен начиная с 2012 г. является уступка Сеулу в том, что касается увеличения дальности действия его ракет с 300 до 800 км; сегодня к этому добавляется поддержка японских контрактающих возможностей и начиная с этого года продажа ракет «Tomahawk»; и, наконец, передача Австралии технологий атомных подводных лодок,

«жемчужины в короне», в рамках соглашений AUKUS. Неуверенность в планах США, по мнению Глоссермана, подпитывала японо-корейские требования заключить соглашения о «совместном владении ядерным оружием», которые будут усиливаться по мере того, как «союзники будут иметь свои собственные [оборонные] потенциалы». Таким образом, японско-корейское требование заключается в укреплении возможностей совместного принятия решений в рамках союзнических отношений.

Этот вопрос рассматривается в рекомендациях CSIS в докладе от 18 января, который частично отвечает требованиям Сеула и Токио. Согласно докладу, «два крупных тектонических сдвига», последовательно произошедшие за последние два года – пандемия коронавируса и война на Украине – создают «опасный ландшафт», хотя и не без «возможностей» для альянса Вашингтона и Сеула. Украинская война оказала множественное воздействие на Корейский полуостров: если Сеулу она напомнила о стратегической важности союза с США как «буфера» против враждебности внешних держав, то для Пхеньяна стала подтверждением значимости его собственного баллистического и ядерного арсенала: Северная Корея разработала «доктрину первого удара», или превентивного удара, а также оперативное развёртывание тактических боеголовок, взяв за образец подход Москвы к ядерному сдерживанию в украинском конфликте.

Жан-Луи Лозье, бывший начальник отдела ядерного оружия парижского Генерального штаба, назвал эту концепцию «сменой эпохи в сдерживании», которая теперь включает «агрессивную санктуаризацию» конфликта: она постулирует, что «субъект может воспользоваться защитой со стороны собственного ядерного арсенала» для увеличения своей «относительной мощи в региональном масштабе», чтобы «ослабить своих соседей, даже нападая на них напрямую». По мнению специалистов, продолжает Лозье, первый кризис новой ядерной эры ожидался в Азии, учитывая появление трёх новых держав с баллистическими и атомными арсеналами (Пакистан, Индия и Северная Корея). Вместо этого он произошёл в Европе.

Развитие украинского конфликта с использованием конвенциональных вооружений, но под ядерным зонтиком, имеет очевидные отголоски в Азии. То же самое можно сказать и о постепенной эскалации с евро-американской стороны поставок вооружений Киеву, учитывая давление на Сеул, а также на Токио, с целью поставки военных материалов непосредственно на Украину.

Трёхсторонний альянс?

CSIS подчёркивает, что растущая изоцирность ядерного арсенала Северной Кореи делает более очевидной неадекватность систем противоракетной обороны США, в том числе развёрнутых внутри страны. Следовательно, это ослабляет действенность американских гарантий в глазах Сеула и Токио. Вашингтон, по мнению CSIS, в нынешних обстоятельствах не должен ни «рисковать [размещением] тактического ядерного оружия США в Корею», ни «кособоротить приобретение Сеулом ядерного арсенала», чтобы предотвратить распространение ядерного оружия в

регионе и не усугублять напряжённость, особенно в отношениях с Китаем. Тем не менее Сеул и Вашингтон должны подготовить почву для этих возможных в будущем шагов, сохраняя двусмысленность относительно их «масштабов и размаха».

В рамках укрепления трёхстороннего стратегического диалога CSIS предлагает США принять японо-корейские требования о создании «структуры совместного ядерного планирования», подобной той, что существует в НАТО, и постоянно размещать в регионе свои «стратегические активы»: ракетные подводные лодки, вооружённые ядерными боеголовками малой мощности, стратегические бомбардировщики и самолёты двойного назначения.

Варианты балансирования Токио и Сеула

На страницах *Korean Herald* Джозеф Най, бывший заместитель министра обороны в администрации Клинтон и один из соавторов доклада CSIS, признаёт связь между перевооружением Японии и дебатами в Сеуле. Укрепление отношений с США, по мнению Найа, исключает возрождение «милитаристской позиции Японии по образцу 1930-х годов» и является «наименее затратным и наиболее эффективным» выбором в сегодняшних стратегических условиях. У Токио, считает он, есть ещё три варианта укрепления своей безопасности. Первый – внести изменения в Конституцию и перевооружиться, даже получить «собственный ядерный арсенал»; это дорогостоящий и опасный выбор, который встретит «сильное внутреннее сопротивление». Второй вариант – стремиться к «нейтралитету» и «зависеть от ООН», но в этом случае не получить адекватных гарантий. Наконец, «создать союз с Китаем», но это даст Пекину «слишком большое влияние на внутреннюю политику Страны восходящего солнца». В Стратегии национальной безопасности (СНБ-2022), говорит Най, Япония решила «закрепить свой статус государства первого ранга и равноправного партнёра в альянсе».

Варианты, перечисленные Наем, при ближайшем рассмотрении отражают исторические ориентации японских политических течений, причём не только в послевоенный период. По мнению Масатаки Косаки, историка реалистской направленности, послевоенный стратегический консенсус Токио балансировал между «интернационалистским, националистическим, паназиатским и нейтралитетским» течениями, отходя от них или сглаживая их острые углы, исходя из экономических интересов и обязательной привязки к союзу с Вашингтоном. То же самое можно сказать и о Сеуле, политические течения которого зеркально отражают те, что имеются в Токио. Южная Корея, одна из главных военных держав региона, ныне пытается амбиции средней державы, хотя и переживает значительное демографическое старение; в добавок она отказывается от автоматического следования американским стратегиям, особенно в том, что касается отношений с Пекином, её главным экономическим партнёром. По мнению Ван Сон Тхэка, дипломатического обозревателя *Korea Times*, экономический подъём Сеула делает неизбежной вероятность «конфликтов и споров» с Вашингтоном перед лицом

возросших интересов Южной Кореи, о чём свидетельствуют ядерные дебаты.

Оружие и иммигранты

Президентство Юна направлено на превращение Сеула в крупного игрока на мировом рынке вооружений, о чём свидетельствуют недавний мегаконтракт на сумму в 12 млрд долларов с Польшей и тур в ОАЭ. Аналогичные амбиции циркулируют и в Токио. Ограничения на оборонные расходы сдерживают масштабы военно-промышленного сектора страны. Чтобы поддержать собственное перевооружение, снизив зависимость от американских концернов, Япония недавно одобрила создание специального фонда для субсидирования оборонных концернов. В СНБ-2022 она включила военные кредиты для третьих стран, например, Филиппин, Индонезии или даже Вьетнама, чтобы облегчить собственный экспорт вооружений.

Рам Эмануэль, посол США в Токио, в интервью *Japan Times* приветствует эти меры, отмечая, как «вес промышленной базы Японии» укрепляет стратегию «интегрированного сдерживания» Вашингтона. В качестве примера он приводит судостроительный сектор: в 1990-х гг. в США было 10 верфей, сегодня их 5, при этом их производственных мощностей недостаточно, чтобы поспевать за «темпом китайского судостроения». Япония имеет «третью в мире по тоннажу судостроительную промышленность» и работает над «укреплением своей военно-промышленной базы».

Это звучит почти как предложение Токио выступить в роли оружейника для региональных держав, начиная с Филиппин. Во время своего недавнего визита в Страну восходящего солнца новоизбранный президент Фердинанд Маркос – младший подписал военное соглашение с премьер-министром Фумио Кисидой, которое в зачаточной форме напоминает те, что были заключены с Австралией и Великобританией и названы Токио «квази-альянсами». Маркос, который в январе получил от Пекина инвестиционные обещания в размере 20 млрд долларов, получает 7,5 млрд долларов от Японии. По мнению *Japan Times*, Токио осознаёт, что не может «вытеснить Пекин» на Филиппинах, но способен обеспечить «противовес или баланс», помогая Маниле уменьшить зависимость, которая остаётся «экзистенциальным географическим фактом» для двух архипелагов, навязывая стремление к «тонкой дипломатии» по отношению к Дракону.

Маркос подчеркнул взаимодополняемость филиппинской рабочей силы и японской промышленности, страдающей от последствий демографической зимы, которая, по мнению Кисиды, грозит поставить Страну восходящего солнца «на грань паралича». Сегодня численность иммигрантов в Японии составляет 2,8 млн человек по сравнению с 900 тыс. в 1990 г. Из них «промышленными рабочими» являются 1,5 млн. После китайцев, вьетнамцев и южнокорейцев филиппинцы представляют собой четвертую по величине иностранную общину в стране. В глобальном стратегическом противостоянии гонка за военное и экономическое перевооружение также проходит через то, что *Nikkei* называет «глобальной гонкой за рабочую силу».

Мировое сражение в секторе контейнерных перевозок

Судовладельцы приходят в сферу логистики

В «Империализме, как высшей стадии капитализма» Ленин пишет, что империализм есть «монополистический капитализм» и что монополия, вырастающая на «почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу»¹. Характерным примером такой монополизации является динамика сектора морских контейнерных перевозок.

Рекордная прибыль

Прибыль перевозчиков (крупных судовладельцев, занимающихся контейнерными перевозками) в 2019, 2020 и 2021 годах составила соответственно 7, 27 и 210 млрд долларов. Аналитики из специализированного лондонского исследовательского и консалтингового агентства Drewry, приводящие эти данные, прогнозируют, что по итогам 2022 года эта прибыль достигнет рекордных 270 млрд долларов. *Financial Times* заключает, что за три года «индустрия контейнерных перевозок достигнет той же прибыли, что и в предыдущие шесть десятилетий». Это результат резкого роста фрахтовых ставок, начавшегося во второй половине 2020 года в результате сочетания неожиданного увеличения спроса и хаоса в цепочках поставок, вызванного пандемией. Судовладельцы использовали свою рекордную прибыль, чтобы «урегулировать свои бюджеты», а некоторые крупные судовладельцы ускорили вертикализацию, проникнув во всю логистическую цепочку, «надеясь создать разумный противовес своей более нестабильной доходной деятельности».

Однако старший менеджер Drewry Саймон Хини скептически относится к вероятности того, что на этот раз судовладельцам удастся избежать новой фазы избыточных мощностей и низких фрахтовых ставок. Процесс возникновения узких мест в цепочках поставок и роста фрахтовых ставок уже прошёл свой пик, и к концу года ожидается нормализация отрасли. «Существует риск крупномасштабного избытка мощностей в следующем году» из-за угрозы рецессии и наличия «многих новых кораблей, [которые] прибьдут» (*Financial Times*, 09.09.2022).

Горизонтальная и вертикальная интеграция

Бельгийские эксперты в области экономики морского транспорта и логистики Хьюберт Паридаенс и Тео Ноттебоом выделяют три этапа в недавней эволюции вертикализации. Во-первых, в период после финансового кризиса 2008–2009 годов наблюдался избыток контейнеровозов, низкие фрахтовые ставки и низкая рентабельность судовладельцев. Следовательно, целью реорганизации было выживание судовладельцев, а вес стратегий вертикализации был ограничен. Затем последовал период 2014–2017 годов, характеризующийся «волной горизонтальной интеграции и [возникновением] различных схем сотрудничества в области морского транспорта с сохранением неблагоприятной рыночной конъюнктуры на заднем плане» (Pari-daens H., Notteboom T. *Logistics integration strategies in container shipping: A mul-*

tiple case-study on Maersk Line, MSC and CMA CGM // Research in Transportation Business & Management, July 2022). Символом этих сложных рыночных условий стало банкротство южнокорейского судовладельца Hanjin в 2016–2017 годах. Поэтому судовладельцы стремились сократить расходы и добиться эффекта масштаба за счёт покупки более крупных контейнеровозов, а также увеличить свою долю рынка путём приобретений, слияний и формирования альянсов между собой.

В результате, согласно данным Alphaliner от 7 сентября, десять крупнейших судовладельцев сейчас контролируют 84,5 % объёма контейнеровозов в мире. Морские пути также поделены между тремя стратегическими союзами. Альянс 2М состоит из Maersk, MSC и ZIM. Альянс THE объединяет Harpag-Lloyd, HMM, ONE и Yang Ming Marine. Ocean – это альянс между COSCO Shipping, CMA CGM и Evergreen. Крупнейшие судовладельцы также управляют десятками контейнерных терминалов в портах по всему миру.

Хотя рост фрахтовых ставок с лета 2020 года ускорил вертикализацию, некоторые судовладельцы намеревались следовать этой стратегии и ранее. Третий этап, по мнению Паридаенса и Ноттебоома, начался примерно в 2017 году, когда консолидация привела к стандартизации услуг, предлагаемых судовладельцами. Это постепенно исчерпало преимущества горизонтальной интеграции. Помимо попытки создать противовес цикличности в секторе морского транспорта Паридаенс и Ноттебоом, приводят в качестве мотивации желание судовладельцев выделиться среди конкурентов, повысить эффективность и создать «барьеры для выхода на рынок новых конкурентов».

Европейские судовладельцы

Судовладельцем, который всё больше продвигается по пути вертикализации, является компания Maersk, которая в течение нескольких лет демонстрировала своё стремление стать логистическим интегратором, то есть предлагать своим клиентам интегрированные логистические услуги end-to-end (из одного конечного пункта в другой) на глобальном уровне. Таким образом, датский судовладелец становится конкурентом экспедиторов и поставщиков услуг сторонней логистики (3PL), которые ранее были посредниками между судовладельцем и конечным потребителем. Обычно крупные группы передают управленческие складскими, транспортом и их логистикой в целом этим 3PL-компаниям. Maersk же не только намерена заниматься логистической цепочкой традиционных транснациональных корпораций, но и стремится интегрироваться в логистику онлайн-продаж (электронной коммерции).

Благодаря крупным приобретениям в этой области за последние три года Maersk сейчас имеет 549 складов по всему миру общей площадью 9,5 млн квадратных метров (*China Daily*, 01.09.2022). Эти покупки включают Performance Team (46 складов в США) за 545 млн долларов, Visible Supply Chain Management (9 складов в США) и LF Logistics (223 склада в 14 азиатских

странах) за 3,6 млрд долларов. Чтобы заняться авиаперевозками, Maersk оснастила себя пятью грузовыми самолётами Boeing, основала Maersk Air Cargo и приобрела Senator International за 644 млн долларов и Pilot Freight Services за 1,7 млрд долларов.

В соответствии с анализом Паридаенса и Ноттебоома, стратегии Maersk быстро последовала CMA CGM, но авторы считают, что первая по-прежнему остаётся в авангарде интеграции новых услуг на единой платформе. В 2019 году CMA CGM приобрела CEVA Logistics (3PL, 56 млрд долл. оборота в 2021 году и 150 тыс. сотрудников) за сумму от 1,4 до 1,7 млрд долл.; в 2021 году судовладелец добавил к этому приобретению Ingram Micro Commerce (логистика/электронная коммерция, 50 складов в США) примерно за 3 млрд долл. Наконец, в 2022 году CMA CGM купила 51 % базирующейся во Франции Colis Privé (логистика/электронная коммерция). Как и Maersk, французский судовладелец приступил к грузовым авиаперевозкам, купив 9 % акций Air France-KLM и основав компанию CMA CGM Air Cargo, которая к 2026 году планирует обзавестись 12 самолётами.

Итальянско-швейцарский судовладелец MSC не будет проводить вертикализации такой же глубины и сосредоточится на морском транспорте и мультимодальных перевозках, то есть добавит к морским перевозкам автомобильные и железнодорожные транспортные услуги, но без электронной торговли. Благодаря своим дочерним компаниям Medway (железнодорожный транспорт) и Medlog (автомобильный транспорт, склады и дистрибуция) MSC уже присутствует в Европе, а с приобретением в 2021 году компании Bolloré Logistics также укрепилась и в Африке: группа активна в 43 портах, управляет 16 терминалами, владеет 3 железнодорожными концессиями и логистическими структурами. Разница в стратегиях этих компаний видна и на примере заказов на новые корабли. Согласно Alphaliner, в этом году MSC обогнала Maersk как крупнейшего в мире судовладельца с точки зрения суммарной вместимости контейнеровозов, и 114 уже заказанных новых контейнеровозов ещё больше увеличат разрыв. Их общая вместимость составит 1,5 млн teu, что примерно равно текущей вместимости всех контейнеровозов шестого по величине судовладельца в мире Evergreen. Что касается Maersk, то она заказала всего 27 судов общей вместимостью 0,3 млн teu.

COSCO на Шёлковом пути

Главный герой Нового Шёлкового пути COSCO Shipping поставила перед собой задачу «глобализации китайской экономики и превращения в «компанию мирового уровня, предоставляющую комплексные услуги в области логистики и цепочек поставок». Выступая на конференции TPM Asia 2019 в Шэньчжэне, вице-президент COSCO Shipping Ван Хайминь сказал: «В нашей отрасли есть те, кто надеется извлечь выгоду от посредников, что, на мой взгляд, неверно». Вместо того, чтобы пытаться интегрировать морской транспорт с логистикой, COSCO Shipping уделяет

больше внимания созданию инфраструктуры, облегчающей, например, интермодальные морские и железнодорожные перевозки. Ван помещает стратегию группы посередине между судовладельцами, такими как Maersk и CMA CGM, которые стремятся к вертикальной интеграции, и теми, кто сосредоточен в основном на судоходстве, такими как MSC и Harpag-Lloyd.

Перечислим самые важные инициативы COSCO, недавно предпринятые ею в этом направлении в Европе: увеличение доли в порту Пирей с 51 % в 2016 году до 67 % в 2021-ом; приобретение 60 % Piraeus Europe Asia Rail Logistics (PEARL) – железнодорожной компании, работающей в основном в Греции, Северной Македонии, Сербии и Болгарии; приобретение 51 % испанской железнодорожной группы Logitren; объявление о покупке 35 % терминала Tollerort в порту Гамбурга.

Вертикализация через владение акциями

Если не все судовладельцы придерживаются стратегии вертикализации, то часто это происходит потому, что среди их акционеров есть группы, уже вовлечённые в логистику. Это случай немецкой Harpag-Lloyd, основными акционерами которой являются Клаус-Михаэль Кюне (30 %), чилийский судовладелец CSAV (30 %) и администрация Гамбурга (14 %). Harpag-Lloyd недавно приобрела двух судовладельцев в Африке, 30 % акций оператора контейнерного терминала в Вильгельмсхафене (Германия), 50 % железнодорожного терминала в Вильгельмсхафене и 49 % группы Spinelli – оператора терминала в порту Генуи, которая также имеет отделение логистики.

Однако Harpag-Lloyd, как правило, оставляет сферу логистики своему основному акционеру Кюне. Второй богатейший немец в мире является владельцем глобального гиганта контрактной логистики Kühne + Nagel. Кюне также владеет 17,5 % акций Lufthansa. Таким образом, он был причастен к неудавшейся попытке MSC и Lufthansa приобрести авиакомпанию ITA Airways (бывшую Alitalia).

К более высокому общественно-экономическому укладу

Когда в пределах горстки крупных концентраций капитала сотни тысяч наёмных рабочих трудятся над обеспечением глобальной транспортировки ресурсов, необходимых для жизни миллионов, если не миллиардов, людей, то здесь мы действительно наблюдаем обобществление производства. Ленин писал, что «частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнить, если искусственно оттягивать её устранение, – которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое [...] время, но которая всё же неизбежно будет устранена»².

Lotta comunista, сентябрь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 420–421.

2 – Там же. С. 425.

Мировое сражение в телекоммуникациях

Полупроводники под охраной

Рост межимпериалистической напряжённости подталкивает некоторые державы к усилению контроля над поставками и производством материалов, которые рассматриваются как незаменимые. Помимо этого, производство и экспортный контроль превращаются в орудие противостояния. Полупроводники широко используются в самых разных продуктах и являются результатом разделения труда с высокой степенью интернационализации, однако, учитывая их стратегическую важность, сегодня они попадают в категорию того, что подлежит защите. В главных мировых столицах идеи либеризма корректируются с позиций прагматизма в пользу устойчивости, и вновь на горизонте появляются программы промышленной политики.

Менеджер компании L3Harris Technologies, шестого по величине поставщика Пентагона, признался на конференции, что его группа, испытывая нехватку поставок комплектующих, каннибализировала старые военные радиоприёмники, чтобы извлечь из них электронные компоненты для установки в оборудование нового поколения. По мнению аналитика Гудзонского института, на рынке иерархия определяется масштабами, поэтому производители военной продукции «могут оказаться в конце очереди, ожидая, пока в первую очередь будут удовлетворены потребности других компаний».

Новая сталь

«Если данные – это новая нефть, то можно сказать, что чипы – это новая сталь», – пишет Джеймс А. Льюис из CSIS (Центр стратегических и международных исследований). «Конкретные цели американской политики в сфере полупроводников должны заключаться в повышении надёжности [цепочки] поставщиков, увеличении производственных мощностей и снижении роли Китая», по отношению к которому «передача передовых технологий должна быть сокращена».

«Промышленная политика, – заключает Льюис, – раньше считалась запретной темой, но теперь геополитика делает её необходимой. [...] Промышленная политика требует, чтобы правительство инвестировало в промышленность и исследования, создавало примеры сотрудничества с частным сектором и другими правительствами, а также проявляло стремление к созданию национальных чемпионов» (“Strengthening a transnational semiconductor industry”, июнь 2022 г.)

Вашингтон двигается по двойному пути, очерченному CSIS. В августе получил одобрение Конгресса и был подписан президентом Байденом “Закон о чипах и науке”: на технологическое развитие в течение следующих пяти лет планируется выделить 280 млрд долларов, из которых 52,7 млрд будет направлено на полупроводники. Тем временем Министерство торговли систематизировало ряд мер, предполагающих технологические эмбарго против Пекина. К ним мы ещё вернёмся.

Курс за национализмом

“Закон о чипах и науке” предусматривает финансирование в размере 28,7 миллиарда долларов для тех, кто строит новые заводы по производству чипов в США. Эта помощь также будет предоставляться иностранным компаниям при условии, что получатели воздержатся от расширения своей технологически передовой деятельности в Китае на десятилетний срок. Ещё 10 млрд пойдут на модернизацию заводов, уже действующих на территории США, и 14 млрд – на НИОКР. Федеральная помощь дополняется помощью от отдельных американских штатов. Министерство торговли будет управлять финансированием, а также отвечать за выдачу разре-

шений и торговлю с Китаем – это должно стать скоординированной политикой.

В таблице приведены основные инвестиционные инициативы, связанные с созданием новых заводов по всему миру. В США несколько подобных инициатив, такие как заводы Intel в Огайо и Micron в штате Нью-Йорк, были формализованы после подписания закона. Благодаря двум новым заводам Micron увеличит долю своей продукции, производимой в пределах национальных границ, с 10 до 40 %.

Комментируя первые шаги Европейской комиссии в направлении закона о финансировании микроэлектроники на сумму 43 млрд долларов, Financial Times в редакционной статье выражала опасения по поводу «риска курса на национализм в сфере чипов». За этим последовали японский и индийский законы, аналогичный готовится в Южной Корее, дополнительно можно сказать и о давно существующем финансировании в Китае (на сумму не менее 78 млрд долларов). В целом, глобальный показатель приближается к 190 млрд долларов.

Ливень капитала может привести к образованию избыточных производственных мощностей. В результате замедления темпов роста мировой экономики потребление электроники падает; в 2023 году сохранится дефицит некоторых видов полупроводников, но спрос на память типов Dram и Nand (четверть всего рынка) вырастет всего на 0,6 %.

Конкуренция между Европой и Азией

Согласно расчётам международной отраслевой ассоциации SEMI, в 2020–2021 годах в мире введено в строй 34 центра производства чипов, а в 2022–2024 годах будет построено ещё 58 новых фабрик. В совокупности новые заводы позволят увеличить мировое производство на 40 %.

Из строящихся фабрик 31 располагается в Китае, где большинство из них будет предназначено для производства чипов с технологическим процессом 28 нанометров (нм). Речь идёт не о чипах последнего поколения, т. е. с технологическим процессом меньше 7 нм (см. “Пролетарский интернационализм” № 86. Октябрь 2021), а о полупроводниках, используемых в автомобилях, бытовой технике и промышленном оборудовании. Согласно Wall Street Journal, к концу десятилетия производство 28-нм чипов утроится, а доля Китая вырастет с 15 % в 2021 году до 40 % уже в 2025 году. Le Figaro пишет, что рост производства первоначально будет направлен на внутренний рынок, «но в будущем новые игроки могут составить прямую конкуренцию европейцам на их собственной территории, предлагая более дешёвые чипы».

Растут и опасения азиатских стран. Промышленность Южной Кореи, Японии и Тайваня, главный бенефициар последних десятилетий, не хотела бы выдвигать между США и Китаем, в то время как Вашингтон, напротив, предлагает правительствам этих стран сформировать альянс “Chip 4”, направленный против Пекина.

Ни одна японская группа до сих пор не приняла решение инвестировать в США, несмотря на личные увещевания вице-президента США Камалы Харрис. Корейская компания SK Hynix, второй по величине в мире производитель чипов памяти, может поддерживать работу своих китайских заводов в Уси и Далайне, но её руководители отмечают, что в отсутствие возможности оснастить их самым современным фотолитографическим оборудованием голландской ASML они скоро устареют. Моррис Чан, основатель компании TSMC, первого в мире производителя микропроцессоров по

НОВЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ПОЛУПРОВОДНИКОВ

Компания	Новый объект	Инвестиции (\$/€)	В эксплуатации
Bosch (Германия)	Дрезден (Германия)	1 €	2022
GlobalFoundries (США)	Сингапур	4 \$	2023
GlobalWafers (Тайвань)	Шерман (Техас)	2 \$	2025
Intel (США)	Колумбус (Огайо)	20 \$	2025
	Чандлер (Аризона)	20 \$	2024
	Магдебург (Германия)	17 €	2027
	Вигасно (Италия) ⁽¹⁾	4,5 €	2027
	Лейкслип (Ирландия)	12 €	2023
Micron Technology (США)	Сиракузы (Нью-Йорк)	20 \$	2030
	Бойсе (Айдахо)	15 \$	
Samsung (Южная Корея)	Тейлор (Техас)	17 \$	2024
SMIC (Китай)	Шэньчжэнь (Китай)	2,35 \$	2022
	Пекин (Китай)	7,7 \$	2024
	Шанхай (Китай)	8,9 \$	(5)
	Тяньцзинь (Китай)	7,5 \$	(5)
Sumco (Япония)	Сага (Япония)	2 \$	2023
ST Micro (Франция-Италия)	Аграте (Италия)	1,6 €	2022
	Кроль (Франция) ⁽²⁾	4 €	2026
	Катания (Италия)	0,7 €	2026
Texas Instrument (США)	Шерман (Техас)	30 \$	2025
TSMC (Тайвань)	Финикс (Аризона)	12 \$	2024
	Гаосюн (Тайвань) ⁽³⁾	6,7–10 \$	2023
	Кумамото (Япония)	8,6 \$	2024
UMC (Тайвань)	Сингапур	5 \$	2024
Vedanta ⁽⁴⁾ (Индия)	Ахмадабад (Индия)	19,5 \$	(5)

Примечания: перечисленные инвестиции являются наиболее крупными (млрд долларов, \$ или евро, €) из примерно 90, приводимых SEMI; 1) вероятное размещение; 2) совместное предприятие с GlobalFoundries; 3) оценка аналитиков; 4) в сотрудничестве с Foxconn; 5) дата ещё не определена.

Источники: Nikkei Asia, Wall Street Journal, Financial Times, South China Morning Post, Il Sole-24 Ore.

объёму контрактов, назвал западный рещоринг «часами истории, идущими вспять [...] никто не достигнет самодостаточности, а затраты будут расти по всей производственной цепочке».

Остракизм и морские черепахи

Вашингтон вводит ряд правил, направленных на сдерживание развития Китая, предотвращение внушающего страх превосходства в использовании искусственного интеллекта, развитии суперкомпьютеров и, как возможный результат, военных технологий. Правила распространяются не только на американскую, но и международную промышленность, использующую данную технологию.

Не могут поставляться в Китай более высокотехнологичные микропроцессоры (менее 16 нм), китайским компаниям нельзя поставлять оборудование и программное обеспечение, способное производить эти чипы, а американские граждане больше не имеют возможности сотрудничать с компаниями из Поднебесной в этом секторе. Эти правила могут быть преодолены, если Министерство торговли санкционирует выдачу лицензии, что должно обсуждаться отдельно в каждом конкретном случае. Лицензии уже выданы компаниям TSMC, Samsung и SK Hynix, но их длительность составляет лишь один год. Лицензии предполагаются и для затронутых мерами американские компаний: Nvidia и AMD в случае чипов, KLA Corp, Lam Research и Applied Materials для производственного оборудования.

Запреты для граждан США особенно затрагивают хайгуи (дословно “морские черепахи”), китайцев, которые учились и в течение многих лет работали в Штатах, а затем вернулись на родину, где основали и запустили стартапы, прежде всего в сфере оборудования для производства полупроводников (AMEC, ACM Research, Piotech, Skyverse, Anji). На долю этих компаний приходится всего 5 % мирового производства, но они динамично

развиваются. Вашингтон хочет воспользоваться их связями с США.

Решающее десятилетие

Политика в отношении Китая должна быть оснащена идеологической основой, которая включает в себя концепцию американской миссии в мире. Группа экспертов под руководством Эрика Шмидта, бывшего генерального директора Google, продолжила анализ, начатый в исследовании на тему искусственного интеллекта, проведённом по заказу Конгресса. В результате был подготовлен отчёт о ключевых сроках противостояния, в котором центральное место занимает полупроводниковая технология. Начало гласит: «Идёт гонка за будущее. В конце этого десятилетия мы узнаем, будем ли мы жить в мире свободы слова и терпимости [...] или в мире цензуры и принуждения, [...] будут ли инновации использоваться для улучшения общества или для контроля над ним. Модель этого будущего будет диктоваться конкуренцией между США и Китаем» (SCSP, “Mid-decade challenges to national competitiveness”).

Доклад представляет письмо Генри Киссинджера, вспоминающего о “Проекте специальных исследований”, финансируемом Фондом Рокфеллера, который он возглавлял в 1956–1960 годах, щедро давая советы американскому правительству. Это были годы первого спутника, холодной войны и космической гонки. Сегодня, пишет Киссинджер, разворачивается стратегическое соперничество с Китаем, а новые технологии с «огромным влиянием» определяют военное соперничество. «В демократических странах существует, – пишет опытный государственный деятель, – определённое чувство недоверия к нашей системе управления», и, чтобы «вернуть себе демократическое лидерство в мире», США нужен «творческий путь». Партия уже началась, но на многие вопросы ещё предстоит дать ответ.

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

Мировое сражение в автопроме

Новые альянсы в электромобильном секторе

Возникновение феномена электро-мобильности, связанного с энергетическим переходом, привело к сближению секторов, которые ещё несколько десятилетий назад были обособлены: автомобилестроения, электроэнергетики и информационных технологий.

Трансформация продуктов и процессов

Новое поколение электромобилей не может разрабатываться и проектироваться так же, как обычные автомобили: меняется не только сам продукт (автомобиль), но и процессы, то есть то, как строится автомобиль – от проектирования до номенклатуры компонентов и окончательной сборки. Производители автомобилей сталкиваются с быстрыми технологическими сдвигами в области оборудования, энергопотребления, интернет-коммуникаций, искусственного интеллекта и индустрии 4.0. Им придётся разрабатывать электромобили, способные быстро интегрироваться с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), одновременно реконструировать свои фабрики.

Для автомобильной компании инновации будут иметь решающее значение в конкуренции с другими группами и новичками в автомобильной промышленности – от производителей аккумуляторов до ИТ-компаний, таких как Google или Microsoft. Затронуты все отрасли экономики, включая энергетику, ИТ, робототехнику и телекоммуникации.

«Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного» (Карл Маркс, «Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов)»)¹. Эти многочисленные определения должны быть проанализированы – сектор за сектором, крупная компания за крупной компанией, регион за регионом, страна за страной. Организационная модель Microsoft сильно отличается от модели Volkswagen, но их альянс изменит обе. Единственное, что можно сказать с уверенностью, так это то, что сохранится неопределённость.

В этой ситуации автопроизводителям придётся менять свои стратегии, ещё не зная, каким будет будущее. Они реагируют по-разному: Stellantis имеет иную стратегию, нежели Volkswagen, также как и BMW, Mercedes, Toyota или General Motors.

В условиях нынешней трансформации автопроизводителям трудно в одиночку достичь объёма финансовых, технологических, научных и управленческих ресурсов, необходимого, чтобы справиться с новой ситуацией.

Потребность в новых альянсах

В своей презентации «Confessions of a Capital Junkie: An Insider Perspective on the Cure for the Industry's Value-destroying Addiction to Capital» на конференции в апреле 2015 года Серджио Маркьонне уделил особое внимание этому вопросу: происходящая глубокая трансформация уничтожит огромное количество капитала, и ни одна автомобильная компания не сможет справиться с новым вызовом в одиночку. Обязательным условием станут слияния и альянсы. Это будет диалектический процесс создания и разрушения промышленности. Этому будет способствовать и активная государственная политика с её субсидиями и регулированием.

Партнёрские соглашения или совместные предприятия направлены на обеспечение поставок первичных источников сырья и компонентов, необходимых для производства автомобилей, а также технологий для электрического перехода, для создания подключённых и автоуправляемых автомобилей.

Некоторые примеры

Недавнее партнёрство между немецкой компанией ZF Friedrichshafen и Microsoft показало, как с электрификацией автомобиля меняются отношения между технологическими компаниями, поставщиками компонентов и автопроизводителями (*Automotive News*, 28.11.2021).

Крупные производители комплектующих рассматривают партнёрство с крупными производителями софта как возможность обрести относительную независимость от крупных автомобильных групп и увеличить свою переговорную силу. Это означает сдвиг в балансе сил между автопроизводителями и производителями компонентов. Производитель аккумуляторов Panasonic, производитель софта Microsoft или гигант по производству компонентов Bosch торгуются на равных с Volkswagen, Stellantis или Tesla.

Производители и поставщики автомобилей вынуждены обращаться к ИКТ-компаниям, поскольку программные платформы становятся всё более важным компонентом автомобиля. Немецкий гигант по производству комплектующих Robert Bosch заявил в этом году, что будет сотрудничать с Microsoft для разработки программной платформы для автомобилей. Volkswagen также сотрудничает с Microsoft в сфере облачных вычислений для подключённых и автоуправляемых автомобилей. Облачные вычисления – это предоставление посредством Интернета («облако») функций, связанных с вычислениями, аналитикой, созданием хранилищ, баз данных, сетей, программного обеспечения внешним ИТ-компаниям, таким как Google или Microsoft. Эти компании, обладая большим эффектом масштаба, могут предлагать такие услуги по значительно более низким ценам, чем платила бы отдельная, даже крупная, компания, если бы управляла ими самостоятельно (Carr N. *The Big Switch*, 2013). В этом году Ford Motor Co. объявила о сотрудничестве с Google для использования её облачных технологий и систем искусственного интеллекта. Аналогичным образом BMW заключила партнёрство с Amazon Web Services.

Stellantis также будет сотрудничать с Amazon для использования облачных сервисов. По данным Bloomberg, Stellantis планирует потратить в общей сложности 30 млрд евро к середине текущего десятилетия на электрификацию и программное обеспечение. BMW формирует альянс по обмену данными с немецкими компаниями SAP, Siemens, Bosch и ZF (*Bloomberg*, 02.12.2020). Volkswagen сотрудничает с Bosch в области автоматизированного вождения и разработки софта.

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» (Карл Маркс и Фридрих Энгельс, «Манифест Коммунистической партии»)².

ОСНОВНЫЕ ПАРТНЁРСТВА ИЛИ СОВМЕСТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

между производителями автомобилей и электроники, ИТ и аккумуляторными компаниями

компания	компания-партнёр	сектор
Apple (США)	Foxconn (Тайвань)	чипы
Audi (Германия)	FAW (Китай)	электромобили
Audi (Германия)	BMW (Германия)	аккумуляторы
BMW (Германия)	Siemens, SAP, Bosch (Германия)	облачные вычисления
BMW (Германия)	Brilliance (Китай)	электромобили
BMW (Германия)	General Motors (США)	аккумуляторы
BMW (Германия)	Bosch (Германия), Samsung (Юж. Корея)	аккумуляторы
BMW (Германия)	Daimler (Германия)	электромобили, аккумуляторы
BMW (Германия)	Amazon (США)	сетевые технологии
BMW (Германия)	Toyota (Япония)	электромобили
BMW (Германия)	Jaguar (Великобритания)	электромобили
Bosch (Германия)	Microsoft (США)	софт
Continental (Германия)	Horizon Robotics (Китай)	искусственный интеллект
Daimler (Германия)	Geely (Китай)	электромобили
Daimler (Германия)	BAIC	электромобили
Daimler (Германия)	BYD (Китай)	электромобили
Dassault (Франция)	Dow Kokam (США)	аккумуляторы
Fisker США	Foxconn (Тайвань)	электромобили
Ford (США)	SK Innovation (Южная Корея)	аккумуляторы
Ford (США)	Google (США)	искусственный интеллект, софт
Geely (Китай)	Baidu (Китай)	электромобили
Geely (Китай)	LG (Южная Корея)	аккумуляторы
Geely (Китай)	SK Innovation (Южная Корея)	электромобили
General Motors (США)	LG (Южная Корея)	аккумуляторы
General Motors (США)	Hitachi (Япония)	аккумуляторы
General Motors (США)	Nikola (США)	электромобили
General Motors (США)	Honda (Япония)	электромобили
Honda (Япония)	GS Yuasa Corp. (Япония)	аккумуляторы
Honda (Япония)	Sony (Япония)	электромобили
Honda (Япония)	Dongfeng (Китай)	электромобили
Hyundai (Южная Корея)	Apple (США)	электромобили
Mitsubishi Motors (Япония)	GS Yuasa Corp. (Япония)	аккумуляторы
Renault (Франция)	Geely (Китай)	электромобили
Renault (Франция)	Daimler (Германия)	автом. вождение, аккумуляторы, электромобили
Stellantis (Голландия)	Mitsubishi Motors (Япония)	электромобили
Stellantis (Голландия)	Amazon (США)	софт
Stellantis (Голландия)	Sanyo (Япония)	электромобили
Stellantis (Голландия)	Foxconn (Тайвань)	софт, полупроводники
Stellantis (Голландия)	Amazon (США)	софт
Stellantis (Голландия)	LG (Южная Корея)	аккумуляторы
Stellantis (Голландия)	Samsung (Южная Корея)	аккумуляторы
Tesla (США)	Toyota (Япония)	электромобили
Tesla (США)	CATL (Китай)	аккумуляторы
Toyota (Япония)	Panasonic (Япония)	аккумуляторы
Toyota (Япония)	BYD (Китай)	электромобили
Volvo (Швеция)	Siemens (Германия)	электромобили
Volvo (Швеция)	Aurora (США)	автоматическое вождение
Volkswagen (Германия)	Sanyo (Япония)	аккумуляторы
Volkswagen (Германия)	Toshiba (Япония)	аккумуляторы
Volkswagen (Германия)	BYD (Китай)	аккумуляторы
Volkswagen (Германия)	Ford (США)	автоматическое вождение
Volkswagen (Германия)	SAIC (Китай)	электромобили
Volkswagen (Германия)	FAW (Китай)	электромобили
Volkswagen (Германия)	JAC (Китай)	электромобили
Volkswagen (Германия)	Bosch (Германия)	автоматическое вождение
Volkswagen (Германия)	Guoxuan (Китай)	аккумуляторы
Volkswagen (Германия)	CATL (Китай)	аккумуляторы
Volkswagen (Германия)	Huayou Cobalt (Китай)	сырьё
Volkswagen (Германия)	Tsingshan Group (Китай)	сырьё
Volkswagen (Германия)	Microsoft (США)	облачные вычисления, автом. вождение
ZF (Германия)	Microsoft (США)	софт

Источник: наша реконструкция, выполненная по журналистским источникам (некоторые сделки ещё не завершены).

Старые альянсы распадаются, старые компании, такие как Chrysler или FIAT, теряют свою идентичность, а в сектор приходят новые игроки: Tesla, Amazon, Google или Microsoft. Мир переживает колоссальную промышленную трансформацию, которую некоторые аналитики сравнивают с той, что прои-

зошла с появлением парового двигателя в XVIII веке или фордизма в XX-ом.

Lotta comunista, июль – август 2022 г.

1 – К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 12. С. 727.

2 – Там же. Т. 4. С. 427.

Новые сомнамбулы

Февраль в Великобритании начался со «скоординированной забастовки», которая объединила рабочих разных секторов требованием увеличения зарплат пропорционально инфляции; эпицентром движения оказались школы и железные дороги. В ногу шагает и сектор здравоохранения: профсоюз медработников RCN запланировал четыре дня невыхода на работу, с 6 по 10 числа месяца, в разных частях сектора.

Эти последние забастовки особенно впечатляют не только из-за их длительности, но и из-за того, что затрагивают столь деликатный сектор. Экономическая борьба подпитывается требованиями заработной платы и оппозицией законопроекту «Minimum Service Level Bill»¹, который правительство хотело бы провести, чтобы уменьшить пространство для забастовок; есть, однако, и структурный элемент – нехватка персонала, которую в Великобритании усугубил Брексит.

Больше пациентов – меньше медиков

На это обращают внимание сами базирующиеся. Об этом пишет *Guardian* от 16 декабря 2022 г., опросившая нескольких пикетирующих рабочих: «Существует нехватка персонала, зато больше интернов и пациентов, единственное [что остаётся] – это больше работать», – говорит медсестра из Лидса. А вот слова её бристольской коллеги: «Мы бы рады не быть здесь, без этого можно было бы обойтись, но в больнице не хватает персонала. Зимой становится больше работы, и мы на грани возможностей. Если не будет достаточного количества медсестёр, койки останутся закрытыми, люди окажутся заблокированными в отделении первой помощи, а на скорую будет очередь». Одна специализированная медсестра указывает на большое место – нехватку иностранцев: «Их стало меньше в результате пандемии и Брексита. Очень жаль, ведь мы в них нуждались».

Проблема дефицита работников – не только английская и не зависит от одного только выхода Лондона из состава ЕС. Исследование *Lancet*, основанное на данных Международной организации труда и перепечатанное 17 января *Avvenire*, констатирует, что миру не хватает 6,4 млн медиков, 30,6 млн медсестёр и акушеров, 3,3 млн стоматологов и 2,9 млн аптекарей. Если в странах с низким доходом это может быть следствием их запаздывающего развития, то в «передовых» странах сказывается демографический упадок: по словам директора Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения, в ЕС 40 % врачей-специалистов близки к пенсионному возрасту, а заменить их непросто.

Согласно докладу исследовательского центра CREA Sanità², в Италии не хватает 30 тыс. медиков и 250 тыс. медсестёр, чтобы соответствовать уровню наиболее успешных европейских стран. А если учесть тех, кто скоро отправится на заслуженный отдых, потребуется 15 тыс. новых медиков и 40 тыс. новых медсестёр в год в течение десятилетия.

«Импортная рабочая сила»

«Белая книга по управлению экономической миграцией», опубликованная в январе фондом ISMU³, рассматривает сектор в целом. Падение рождаемо-

сти и старение оказывают давление с двух сторон: медиков становится всё меньше, в то время как требуется их всё больше. Отсюда следствие: «Социально-санитарный сектор в целом всё больше будет зависеть от вклада импортированной рабочей силы». Это уже очевидно в отношении сиделок, которые на 70 % представлены иностранками, при этом ещё четверть, отмечает ISMU, – это натурализованные итальянки. Это «параллельная система соцобеспечения».

Исследование выявляет ещё один аспект – «глобальное соревнование за привлечение людских ресурсов разного уровня квалификации, которое в ближайшие годы только усилится, связанное с волнующими демографическими тенденциями во всех развитых странах».

«Global Race for Talent»

«Глобальная гонка за талантами», о которой говорит ISMU, касается не певцов и не экстрасенсов, как может показаться после просмотра телевизора, и даже (внимание!) не только рабочих высокой квалификации. «Талант» выражается «в таких сферах, как строительство, транспорт, логистика, ресторанный бизнес», а также производство и, конечно же, здравоохранение.

В своей последней публикации (февраль 2023) итальянский ЦБ отмечает, что обновлённые суммы господомощи, запланированные в рамках плана постпандемийного восстановления (PNRR), коснутся по меньшей мере ещё 375 тыс. занятых, но в то же время предупреждает, что «предложение рабочей силы в возрастной категории 15–69 лет сожмётся к 2026 году до примерно 630 тысяч человек»: «значительные миграционные потоки могут компенсировать эту динамику, по крайней мере частично».

Гонка началась. Доклад ISMU предупреждает, что Италия «рискует больше других стран», в том числе из-за «особенно низкого уровня зарплат»: «Италия должна будет всё больше считаться с конкуренцией со стороны стран, способных предоставлять намного более привлекательные стимулы, прежде всего в плане зарплат». Это предупреждение всё ещё не услышано.

Повторное открытие рабочего-иммигранта

В этом заключается объективный элемент нового внимания к миграционному феномену, чем пользуется *Le Monde* (3 февраля): «Мы должны приветствовать возвращение нарратива труда в дебатах о миграции, которые слишком часто монополизируют securитарный и идентитарный нарратив». В действительности в 2022 г. во Франции увеличилось число выданных видов на жительство (+ 17 %) и особенно трудовых (+ 45 %) – «в прямой связи с потребностями нашей экономики и политикой привлечения талантов», – комментирует генеральный директор по делам иностранцев во Франции в министерстве внутренних дел Эрик Жалон (*Le Monde*, 28 января).

Нехватка рабочей силы требует от правительств, хотя бы они того или нет, увеличивать квоты приезжающих, правда, не отказываясь от нагайки высылки. В остальном та же концепция «талантов» предполагает, что тех, кто не отвечает потребностям рынка труда, нужно считать бесполезными, а значит, отвергать. В контексте охранительных

Войне на Украине год. В одной книге с красноречивым названием речь идёт о сомнамбулах – вершущих европейских столиц в 1914 году, поскольку крупные державы позволили захватить себя авантюризму их стран-клиентов на Балканах и осуществили мобилизацию друг против друга, словно шестерёнки в машине, которая, движимая собственной логикой, катилась в направлении конфликта. Спасибо и на том, что сегодня они не думают, будто первая мировая война началась по чистой случайности. Образ лунатиков объясняет, как, но не почему разразилась война. Ответ на вопрос «почему?» находится в самой природе империализма, который не способен гарантировать постоянный раздел и порядок между державами: изменяется баланс сил между империалистическими хищниками, и в определённый момент они сводят друг с другом счёты посредством войны. В начале прошлого века Европа была пороховой бочкой, рано или поздно в неё бы уронили спичку, и не так важно, в 1914 году или немного позднее. Через 25 лет история повторилась – в том смысле, что развитие и кризис 20-х и 30-х гг. подготовили вторую мировую войну.

Неужели и сегодня, в эти новые двадцатые годы XXI века, на сцену вышли очередные лунатики? На Украине определён да. Сикну не ожидал столь длительного конфликта; шестерёнки военных поставок вертятся в направлении усиления противостояния с ядерной Россией, в то время как Донбасс перерыл траншеями, будто Западный фронт в 1914-ом. Однако, если Европа перевооружается, то в Азии находится другая пороховая бочка. У противостояния есть два лица. С одной стороны, Китай строит свой потенциал устрашения в виде 1.500 атомных боеголовок и флота с 6 авианосцами, США планируют его сдерживать, Северная Корея испытывает свой ядерный арсенал, Южная Корея размышляет, не сделать ли бомбу и ей, а Токио размещает 1.000 ракет, чтобы гарантировать ответный удар по Пхеньяну и Пекину. С другой стороны, подобно Германии в Европе, Япония сопротивляется давлению Штатов, которые требуют, чтобы Токио сжёг мосты, ведущие к Пекину; Китай предлагает реформированную глобализацию и посредничество на Украине, Индия же оставляет руки свободными, отказываясь присоединиться к противостоящим блокам. Значит, такова будет новая черта противостояния – глобализация и вооружённый либеризм? Может и так, но неизвестно, надолго ли: рано или поздно кто-то обронит спичку между пороховыми бочками. Нельзя отдавать судьбу человечества на откуп новым лунатикам империализма. Интернационалистическое сражение за коммунистическое общество является исторической необходимостью.

кампаний, обращённых к испуганному электорату, в дебатах и законодательстве и Франции, и Италии приглашение рифмуется с отторжением.

Жиль Кепель, французский политолог и эксперт по Среднему Востоку, в интервью *La Stampa* (3 февраля) называет «единственной виртуозной моделью» немецкую, поскольку Германия сумела осуществить «определённую интеграцию, раз промышленность смогла впитать иностранную рабочую силу»; во Франции и Италии, наоборот, «иммиграция пока осталась в области чёрного рынка». Суждения, возможно, слишком схематичные, поскольку и в Германии распространилась нелегальная занятость, а в Италии и Франции немалая доля иностранных рабочих занята в промышленности. Тем не менее они показывают, что присоединение иммигранта к миру труда есть не просто требование «рынка», но также необходимый фактор интеграции. А ещё, добавим мы, – поле политической и профсоюзной работы во имя единства нашего класса.

Победители и проигравшие

В заключение вернёмся к «гонке за талантами» и особенно к санитарному сектору. В цитированной статье *Avvenire* найдём некоторые примеры этого соревнования: штат Виктория в Австра-

лии предлагает 10 тыс. долларов тому, кто приедет туда жить из-за границы; Канада проводит ярмарки и мероприятия в Индии и на Филиппинах, чтобы привлечь рабочих; Великобритания предоставляет налоговую скидку на выпуск виз. И финальное замечание: эта гонка имеет, однако, безусловных проигравших. «Исход медиков и медсестёр достиг волнующего уровня в 47 странах мира, из которых 33 – африканские».

Хаотичная общественная система, где «гонка», а иногда и война, – это жизненное правило, не способна гарантировать сбалансированное развитие. Коммунизм является делом всего человечества, в том числе и с точки зрения обеспечения его здоровья.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Проект закона, обязывающего профсоюзы Великобритании осуществлять минимальную деятельность во время забастовок, если они относятся к таким сферам, как здравоохранение, образование, противодействие ЧС, пограничный контроль, вывод из эксплуатации ядерных объектов.

2 – Центр прикладных экономических исследований в области здравоохранения.

3 – Инициативы и исследования в области мультиэтничности.

Профсоюзы и лейбористская партия в Англии

После спада волны, символом которой стала забастовка докеров 1889 года, хозяева организовали контрнаступление и в 1896 году бросили вызов могущественному лондонскому профсоюзу механиков, устроив шестимесячный лок-аут. Они воспользовались штрейкбрехерами, агитируя за «свободу» отдельного рабочего против «коллективного» принуждения стачечников, то есть за «свободу» предпринимателей «делать с собственным имуществом всё, что они хотят», без вмешательства профсоюзов.

В конце концов рабочие потерпели поражение, но попытка раз и навсегда ликвидировать профсоюз провалилась. В 1900 году решение было вынесено в пользу железнодорожной компании Taff Vale, которая требовала от профсоюза возмещения ущерба от забастовок и пикетов. Его применили и в других отраслях, что опустошило профсоюзную казну и повергло в смятение руководителей, которые считали себя в безопасности благодаря законам, ранее принятым парламентом.

Законы и приговоры являются продуктом экономических и политических балансов с их противоречивой динамикой и постоянным изменением соотношения сил классов; в конечном счёте они санкционируют преобладающий выбор правящего класса, как в случае, когда они допускают возможность переговоров с профсоюзами в рамках реформистской логики, так и тогда, когда они устраняют эту возможность в фазе открытой конфронтации.

Постановление в пользу Taff Vale привело к тому, что самые различные категории рабочих начали присоединяться к Комитету рабочего представительства (КРП), созданному незадолго до этого профсоюзами и социалистическими группами с целью поддержки кандидатур для участия в парламентской выборной гонке, выдвигаемых организованным рабочим движением, которое тем самым преодолело, пусть даже частично, зависимость от Либеральной партии.

Электоральное соглашение между либералами и лейбористами

Секретарём КРП стал соратник концепции либерального социализма Рамсей Макдональд, настаивавший на создании Лейбористской партии и считавший, что одной только профсоюзной борьбой нельзя было ничего добиться. Справедливое наблюдение, но оно омрачается той задачей, которую он хотел доверить этой партии. Современная социалистическая партия, считал Макдональд, должна ставить перед собой цель развития общества в целом, стремясь обеспечить эффективность его функционирования, а не бороться за подъём класса или защиту его особых интересов.

Эта политическая параболла разворачивалась в течение десятилетия господства консерваторов, с 1895 по 1905 год, которые на всеобщих выборах 1906 года были сенсационно опрокинуты, уступив абсолютное большинство либералам. Лейбористы впервые получили 29 собственных мест плюс ещё 24 места по спискам либералов. Заключённый либералами и лейбористами полусекретный пакт об «отказе», приносящий пользу тому или иному кандидату от двух партий в одномандатных округах, сработал во вред консерваторам.

Фракции английской промышленной буржуазии в лице Либеральной партии внесли осторожное и двусмысленное изменение антипрофсоюзных законов. Цель состояла в том, чтобы ещё больше связать растущие общественные силы, выраженные Лейбористской партией, со своими собственными потребностями в империалистическом соревновании, окончательно созревшим на рубеже веков.

Империализм и рабочее движение

Самой непосредственной формой воздействия на массы был национализм, основанный на размахивании флагом, пении патриотических гимнов и гордости за колониальные достижения. В противовес провозглашённому ранее либеральному индивидуализму, теперь государство должно было больше присутствовать в промышленности, поддерживать её и оснащать необходимыми в гонке держав современными линкорами с целью осуществления «цивилизаторской миссии британской расы».

Как пишет Э. Дж. Фейхтвангер в своей книге *“Democracy and Empire: Britain, 1865–1914”*, Сесил Родс, ведущий представитель колониализма, после посещения бедных кварталов Лондона заметил: «Империя есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Фейхтвангер отмечает, что это был самый грубый «способ отвлечь внимание масс от действительных причин недовольства, преследуя национальную славу за границей».

Джозеф Чемберлен, лидер так называемых «социал-империалистов», поддерживал повторное введение тарифов, на доходы от которых субсидировались пенсии и школы. По словам Фейхтвангера, он «заявил своей рабочей публике, что её продукция стала более дорогой, а занятость оказалась под угрозой из-за более низкой заработной платы, выплачиваемой иностранными промышленниками, а также из-за отсутствия за границей какой-либо социальной помощи или медицинского обеспечения и соображений безопасности».

Линкоры и государство всеобщего благосостояния

Палитра империализма включила социал-реформистские тона, хотя на самом деле английские прогрессисты ездили в Берлин изучать бисмарковский опыт. Либеральные правительства в годы, предшествовавшие первой мировой войне, ввели ряд законов о здравоохранении, образовании, безработице, пенсиях, чтобы преодолеть неэффективность, которая поставила под угрозу конкурентоспособность британского империализма на экономическом и даже военном уровне – в армию Её Величества попадали слишком хилые новобранцы.

Профсоюзы, у которых уже был свой испытанный механизм социальной и страховой защиты, хотя его действие и распространялось лишь на наиболее организованные участки профессиональной деятельности, были осторожны, но правительство преодолело их враждебность, вовлекая их в управление системой, то есть нанимая профсоюзных деятелей и социальных реформаторов на службу в государственный аппарат.

Здесь необходимо прояснить нашу позицию: переход от эксклюзивного, ограниченного принципа взаимопом-

Расизм – оружие империализма

Э. Дж. Фейхтвангер в уже цитированной книге подчёркивает всегда актуальный аспект – разделение между работниками. В 1905 году был утверждён *“Aliens Act”*, призванный регулировать потоки иностранной рабочей силы. «В некоторых районах страны, в частности, в лондонском Ист-Энде, серьёзной политической проблемой стала враждебность к иностранцам, очень часто не отличающаяся от антисемитизма. Было легко связать иммиграцию – в данном случае приток такой группы с очень отчётливыми культурными и религиозными взглядами, как евреи из Восточной Европы, спасавшиеся от российских pogromов – с массой внутренних проблем: безработицей, эксплуатацией, заболеваниями и физической деградацией. Враждебность к иностранным иммигрантам политически эксплуатировалась, [и] долгое время отношение профсоюзного движения было неоднозначным, к выражению солидарности присоединялся страх перед конкуренцией со стороны иммигрантов». Закон 1905 года «представлял собой осторожную попытку правительства удовлетворить запрос на иммиграционные ограничения, не создавая при этом впечатления, что нарушается традиция предоставления убежища жертвам преследований».

оши по профессиональному признаку к требованиям, общим для всего класса, которые, следовательно, неизбежно должны быть согласованы с коллективным представителем буржуазии в лице её государства, безусловно, является положительным фактом.

Выплата пенсий, создание системы здравоохранения и школ, обеспечение занятости – всё это конкретные цели в борьбе нашего класса против господствующего класса. Однако если эти претензии будут реализовываться в рамках реформистской и либеральной линий в политике и профсоюзах, следствием станет политическое подчинение класса, беспомощная подверженность воздействию неизбежных неопределённостей капиталистического рынка, которые также влияют на эти социальные институты. Только руководство со стороны революционной партии и её присутствие в каждом эпизоде повседневной борьбы обеспечивают рост сознания, классовой автономии и приверженности организации, которые выходят за рамки любых случайных изменений в балансе сил между классами.

Канун войны

Выборы 1910 года изменили парламентскую географию. Либералы и консерваторы получили почти одинаковое количество мест – 272 и 271 соответственно. Большинство либерального правительства зависело от решающих голосов 42 депутатов-лейбористов. Английский историк Дж. Д. Х. Коул в работе *“A Short History of the British Working Class Movement”* отмечает: «[Можно] было подумать, что это укрепит позиции лейбористов, но на самом деле это имело противоположные последствия», – потому что лейбористы не могли взять на себя ответственность отказаться от тогдашнего состава правительства и вернуть консерваторов во власть, чем и воспользовались либералы. «После четырёх лет деятельности либерального правительства и лейбористов в парламенте [рабочие] оказались в худшем экономическом положении, чем раньше».

Поддерживаемая благоприятным трендом в экономике и падением безработицы, с 1911 по 1914 год развернулась мощная волна забастовок, названных «великими волнениями». Разочарование рабочих в парламентаризме и уступках профсоюзных лидеров приняло форму «революционного синдикализма» – полуанархического течения французского и американского происхождения, знаменосцем которого стал Том Манн, известный лидер стачки докеров 1889 года, вернувшийся из США. Он нашёл последователей среди горняков Уэльса и особенно в транспортной сфере, где была

создана федерация и удалось руководить некоторыми проявлениями борьбы.

Макс Бир в *“A History of British Socialism”* рассматривает опыт Образовательной ассоциации рабочих (WEA), организованной в 1903 году профсоюзами для подготовки нескольких тысяч молодых рабочих на курсах университетского уровня, и Колледжа Раскина, основанного двумя американцами в 1899 году, который ежегодно готовил десятки профсоюзных лидеров. В этой атмосфере социального брожения многие студенты начали оспаривать авторитет своих профессоров с их слишком академическими лекциями, апеллируя к принципу действия, и сформировали Лигу плебеев, поддержавшую продолжающееся движение к революционному синдикализму.

Рабочие и студенты в борьбе

Не претендуя на невозможные социальные сравнения, выходящие за пределы веков, отметим несколько моментов. Мы видим, как сильнейший профсоюз того времени организует школу кадров, где, однако, преподают «буржуазные» предметы. Мы видим бунтующих студентов, которые становятся на сторону «классовой борьбы», но интерпретируют её в стихийном ключе, не интегрируясь в класс через партию, обладающую автономным стратегическим анализом и организационной сетью.

Революционные синдикалисты, расплыв большое количество классовой энергии, к сожалению, отвергли саму идею независимой политической организации – партии – и доверили общую борьбу против правительства и хозяев одним профсоюзам. Путём объединения в крупные промышленные профсоюзы и череды всеобщих забастовок они надеялись завоевать власть, которой затем воспользуются непосредственно сами же профсоюзы.

Горняки в 1912 году дали жизнь крупнейшей в истории забастовке с миллионом участников и требованием национальной минимальной заработной платы, которая закончилась компромиссом. Дублинские водители трамваев вели долгую войну с хозяевами, а возглавляли стачечников такие воинственные профсоюзные деятели, как Джеймс Коннолли и Джеймс Ларкин, которым в борьбе даже удалось преодолеть атавистические контрасты между католиками и протестантами. Железнодорожники и докеры не работали с так называемыми «заражёнными товарами», то есть с продукцией, произведённой штрейкбрехерами или предназначенной для замены продукции бастующих заводов.

Война и забастовки: английские шоп-стюарды

В прошлом году мы начали исследование английского рабочего движения далёкого прошлого, чтобы найти конкретные корни «краха» политических и профсоюзных лидеров этого движения перед лицом первой мировой империалистической войны, начавшейся в августе 1914 года. Мы задокументировали аргументы, использованные ими для опровержения их прежних интернационалистских заявлений, поддержки правительства в войне и блокирования забастовок. Несмотря на это, борьба всё равно проявлялась, но следует отметить, что патриотическая волна охватила широкие слои рабочих.

По устоявшейся английской традиции вначале комплектование вооружённых сил осуществлялось добровольцами: обязательная воинская повинность была введена лишь в 1916 году, когда 2,5 млн добровольцев отправленных на фронт, стало уже недостаточно.

Витторио Фоа в своей работе 1985 года *“La Gerusalemme rimandata”* пишет, что добровольцами ушли на фронт 250 тыс. из 1,116 млн горняков, 50 тыс. железнодорожников и даже 110 из 125 членов Социалистического общества Оксфордского университета. Феминистки/суфражистки также предоставили своих добровольцев, а также клубы и казармы для организации батальонов людей, которые «вместе работали, жили или играли в мирное время и хотели вместе сражаться на войне».

Но грязь и кровь траншей вскоре превратили энтузиазм добровольцев в трагическое отчаяние. В конце конфликта число погибших составит 750 тыс. человек, в том числе более 200 тыс. жителей колониальных владений.

При этом для интернационалистов путь никогда не был и не будет лёгким. Они всегда будут идти против могучего течения, эксплуатирующего идеологию «национального единства» и страх и ненависть к «врагам». В Англии добровольцами были не только мелкобуржуазные и националистически настроенные студенты, но и значительное число молодых рабочих, которые были на переднем крае забастовок до войны и будут там снова после неё.

Интернационалисты идут против течения

Необходима партия, способная дисциплинированно приходить в движение в нужные моменты, чтобы не быть подавленной и сметённой, прежде чем она сможет свершить свою историческую миссию, когда условия поднимут раздражённые массы перед лицом кризиса правящего класса. Ни с какой точки зрения «стихийность масс» не может компенсировать эту потребность в партии, которая должна направить их напор в решающей борьбе.

На реке Клайд, протекающей в окрестностях шотландского Глазго, где были сосредоточены верфи и заводы по производству вооружений, в феврале 1915 года началась первая забастовка механиков, организованная делегатами цехов – шоп-стюардами, которые из внутренних сборщиков взносов превратились в лидеров борьбы, избираемых цехами без различия профессий и вопреки директивам профсоюзных лидеров. После

двухнедельных боёв они были вынуждены уступить, подвергнувшись репрессиям (5 тыс. тюремных сроков, депортация лидеров), и были разделены соглашениями об образовании отдельных предприятий.

Однако был создан *центральный комитет* делегатов, который в 1916 году дал жизнь *национальному комитету* движения. Забастовка 200 тыс. горняков в Южном Уэльсе, прошедшая в том же 1915 году, за которой последовали забастовки в Шеффилде и на различных фабриках по всей стране, вынудила правительство обратить внимание на это новое движение, которое профсоюзное руководство не могло контролировать. В декабре 1915 года визит на Клайд военного министра и будущего премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа в сопровождении лидера лейбористов Артура Хендерсона вызвал собрания, носившие явно враждебный им характер, но ситуацию урегулировало правительство.

Война и забастовки на предприятиях

Типичная форма английского профсоюза гарантировала доступ к каждому рабочему месту только членам этой конкретной профессиональной организации. Введение правительством практики так называемого «разбавления» – направления молодых людей и женщин на до сих пор недоступные для них профессиональные должности, необходимые для поддержки увеличения производства, – ставшей возможной благодаря техническому прогрессу, повсюду вызвало забастовки.

Эта реакция масс, хотя и реализовывалась через головы хозяев, была отмечена мелким профессиональным корпоративизмом, но в то же время и стачками, блокировавшими оружейные и военные заводы. Движение шоп-стюардов возглавляли члены различных социалистических групп, зачастую выражавшие своё неприятие войны. Организаторы и пропагандисты марксизма, такие как Джон Маклин, выражали явно интернационалистские позиции, даже если эти социалистические организации никогда не доходили до пропаганды «революционного пораженчества» ленинского типа.

Те же противоречия проявились и в последующей серии забастовок. Как мы сказали, обязательная воинская повинность была введена в 1916 году. Вместе с профсоюзами правительство выбирало рабочих для отправки на фронт и замену им. Таким образом, вероятность увольнения зависела от того, состоял ли рабочий в том или ином профсоюзе, что неизбежно вызвало споры и разногласия, пока предприниматели и правительство ещё больше не централизовали отбор.

Обязательный призыв и забастовки

Протест нарастал и в итоге вызвал «майские стачки» 1917 года, ставшего переломным с точки зрения кризисов революционного значения на заводах и фронтах не только в России, но и по всей Европе. В течение трёх недель забастовки распространились на 48 промышленных городов, в них при-

ФЕВРАЛЬ 1915 ГОДА: ЗАБАСТОВКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Председателем шотландского *комитета шоп-стюардов* был избран Уильям Галлахер (1881–1965), ставший фабричным рабочим в 12 лет. Он не раз подвергался арестам, а в 1920 году вступил в компартию Великобритании, как задокументировано в его автобиографии 1936 года *“Revolt on the Clyde”*. Будучи членом Президиума III Интернационала, иногда не соглашаясь с указаниями Москвы и судами над большевистскими лидерами, он всегда поддерживал сталинизм, в конце концов став руководителем партии. Сталинизм виновен в том числе в использовании в своих интересах многих боевых рабочих-милитантов и в диверсиях против них.

Он пишет, что когда завод Weir в Глазго объявил забастовку, он и его товарищи провели «консультацию с фабричными делегатами на автомобильном заводе в Альбионе, где [он] тогда работал»: «Мы решили принять меры в поддержку Weir и поэтому созвали общее собрание на девять утра, время завтрака. Собрание единогласно одобрило предложение о прекращении работ» и направило на собрание делегатов от всех заводов.

«Утром забастовщики были одни, но позже с ними рядом уже шли все остальные. Какое ободрение для людей Weir! А как теперь ободряли они других делегатов, прибывших с разных заводов! [...] Большая забастовка февраля 1915 года на реке Клайд началась».

«Бросившись в Глазго», национальные лидеры «сделали всё возможное, чтобы сорвать забастовку, но встретили враждебный приём». Один из них сказал: «Для вашего брата всё просто, а нас вызвало правительство, и за словами министров, пусть они и обращались с нами очень вежливо, мы чувствовали угрозу». «Какую угрозу?», – спросили его. – «Угрозу тюрьмы», – ответил он. – «Для кого?». – «Для нас», – простонал он. Бастующие расхохотались.

Мы решили «провести на следующее утро большие митинги во всех районах, где были основные заводы, а днём послать представителей от каждого района на собрание, на котором будет создан центральный забастовочный комитет. [...] Каждое утро в различных областях собирались общие собрания, которым направлялись обсуждения и решения» комитета. Каждый вечер он «собирался для ознакомления с сообщениями, полученными из различных районов, и изучения путей и средств усиления и расширения забастовки. В течение двух недель, зажатые самой страшной осадой, мы продолжали следовать своим путём без малейшего раскола, хотя никто из бастующих не получил ни копейки жалованья или субсидии».

Мы знали, что «не могли прожить так долго без некоторого разложения, и именно этого мы хотели избежать любой ценой». Тогда «мы посетили собрания в этом районе и доложили нашу точку зрения на ситуацию, объяснив, что важно отступить организованно и решительно, так же, как мы начинали». Нам удалось завоевать их доверие, и на следующий день, «отметив, что обстоятельства, в которых мы оказались, не позволяют продолжать забастовку, резолюция предложила рабочим – всем как одному – возобновить работу в том же порядке, в каком они её оставили: словно бы это был один человек».

няли участие 200 тыс. человек, и их по-прежнему возглавляло движение шоп-стюардов, избранных рабочими. Эти забастовки были задушены жестокими репрессиями – в значительной степени поддержанными профсоюзными лидерами – против делегатов и восстановлением патриотического климата в последние месяцы войны ввиду «победы».

Как пишет Лучано Марроку в книге 1981 года *“L'evoluzione del movimento operaio in Gran Bretagna”*, с тех пор «движение шоп-стюардов пошло по непрерывной нисходящей спирали, а с окончанием конфликта вообще исчезло как массовое движение». Ответной реакцией стала 40-часовая забастовка, начатая созданным на реке Клайд *Комитетом* и оставшаяся изолированной. По мнению Фоа, была начата «операция по объединению Советов через их признание».

Авангард, партия и массы

Ленин в «Докладе о революции 1905 года», прочитанном в январе 1917 года, пишет, что «авангард, отборные элементы наёмных рабочих вели борьбу с величайшим упорством и с величайшим самопожертвованием [...] увлекая за собою колеблющихся, пробуждая спящих и подбадривая слабых».

Конечно, для этого «было необходимо, чтобы передовой отряд рабочих не понимал под классовой борьбой борьбу за интересы небольшого верхнего слоя»¹.

В Англии классовый авангард не смог полностью решить эту задачу: экономические забастовки не пере-

плетались с политическими стачками, хотя и обладали таким потенциалом. Борьба рабочих не была связана – разве что спорадически – с солдатскими протестами на фронте, которые в дни перемирия 1918 года вылились в настоящие бунты и мятежи с образованием комитетов солдат, матросов и лётчиков. Правительство остановило движение, прекратив опасную отставку в Россию антибольшевистских контингентов и осуществив быструю демобилизацию.

Это правда, что поддержка войны и борьба за защиту заработной платы и условий труда *существуют* в классе, но это противоречие, которое, казалось бы, неожиданно возникает в драматическом антураже войны, на самом деле является перманентным состоянием нашего угнетённого класса.

Борьба рабочих и их подчинение на самом деле *существуют*, даже когда рабочие выступают за реформы или вмешательство государства – цели, которые являются лишь вариацией стремлений буржуазных фракций, борющихся друг с другом. Эти состояния *существуют* не только, когда рабочие присоединяются к войне, но и когда они бастуют, а затем голосуют за делегатов в парламент – всё более дискредитировавший себя инструмент буржуазии, – всё ещё считая это единственно возможным способом ведения политики.

Lotta comunista, ноябрь 2022 г.

Рабочая борьба и лейбористское правительство

Эдоардо Гренди в своей книге 1964 года *“L'Avvento del Laburismo”* под- считал, что в 1918 году «[британское] правительство через министра боеприпасов владело 250 национальными фабриками и шахтами и контролировало работу 20 тыс. предприятий, прямо или косвенно нанимая 2 млн рабочих и 65 тыс. служащих. В том году около двух третей рабочих, занятых в промышленности, находились под той или иной формой государственного контроля». Это говорит о том, что забастовки даже меньшинства рабочих, организованные во время войны шоп-стюардами, касались реальной «массы» рабочего класса.

После конфликта количество членов Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), которое к 1914 году уже достигло 4 млн человек, к 1920-му увеличилось до 8 млн, в то время как крупный капитал организовался, интегрировавшись с государственной машиной. Ральф Милибэнд в книге *“Parliamentary Socialism: A Study in the Politics of Labour”* приводит оценку супругов Уэбб, данную лейбористам: во время конфликта они стали, с одной стороны, «дипломатическими представителями наёмных рабочих», но с другой – действовали как «представители правительства по отношению к рабочему классу».

Вывод Уэббов был следующим: «Целая армия представителей лейбористов служила во множестве официальных комитетов, комиссий, судов и правительственных органов, и когда война закончилась, они, конечно, не утратили этой ментальной привычки, приобретённой с этим опытом». Следует добавить, что эта «ментальная привычка» коренилась в социальных и политических отношениях.

Тем временем на реке Клайд возобновилась борьба, порой доходившая до ожесточённых столкновений на площади; готовили забастовки горняки, ожесточённую борьбу вели ланкаширские хлопчатобумажные рабочие, железнодорожники, докеры и другие категории рабочих. Мы ещё вернёмся к этому циклу борьбы в следующей статье.

Новые устав и программа Лейбористской партии

После своего участия в правительстве и его аппаратах во время конфликта Лейбористская партия решила разработать новый устав, который заложил бы основы для «организационного переоснащения партии, которая из электорального агентства профсоюзов, каким она была до этого, превратилась бы в массовую политическую организацию, способную открыто выступить в качестве кандидата на управление страной и уже в краткосрочной перспективе сделать это» (Marrocu L. *Il Labor Party nel Sistema Politico Britannico*, 1987).

Число получивших право голоса расширилось с 8 до 20 млн человек, и теперь лейбористам требовалась «периферийная организация, равномерно распределённая по всей стране», чтобы выдвигать кандидатов в каждом из 707 одномандатных округов. Был введён «институт прямого индивидуального членства», тогда как раньше его можно было получить только через членство в профсоюзных и политических объединениях.

Принятие нового устава сопровождалось утверждением новой программы «Лейбористы и новый социальный

порядок», которую разработал Сидней Уэбб – ведущая фигура Фабианского общества (см. вставку). Макс Бир резюмировал её в книге в *“A History of British Socialism”*: война привела к «краху индустриальной цивилизации, которую рабочие не стремились воскрешать». Программа была нацелена на «всё национальное сообщество», хотя в ней по-прежнему упоминалась «общая собственность на средства производства, распределения и обмена».

Реформисты-бунтари

Цели программы были лишь отражением такого феномена, как «английский социализм» – этический, реформистский и евангелический, – но презентовались в такой радикальной форме, что сегодня их сочли бы подрывными. Бир перечисляет: «национальный минимальный доход» для всех; национализация и «демократический контроль над промышленностью» с возможным изгнанием частных лиц; налог на доходы, превышающие потребности семьи, и налог на имущество, направляемый на «общее благо» и т. д.

Политический синтез заключался в том, что «контраст между материальным изобилием и моральным застоём является фундаментальной причиной отсутствия равновесия в современном человечестве». Социализм «призван выправить» капиталистическое общество и «с чистыми руками и твёрдым сердцем» помочь человечеству достичь баланса между главными силами жизни.

Если говорить более конкретно, то эта программа была лишь одним из вариантов, комбинацией целей, за которые боролись фракции правящего класса: государственный или частный капитализм, местная децентрализация или централизация, тип налогообложения, роль профсоюзов. Позиции Уэбба воспроизводились в течение многих лет и были приняты в том числе и сталинистскими партиями, но сегодня на некоторое время оказались заброшены: остался только костяк государственного вмешательства. Сейчас же есть идеологии, обновлённые с помощью антииндустриализма и апокалиптического энвайронментализма, добавляющих реакционную черту, которой ещё не было у Уэбба.

Руки прочь от России!

В апреле 1920 году началось наступление Польши против большевистской России, поддержанное Лондоном. Лейбористская партия и профсоюзы сформировали Комитет действия против британского вмешательства в продолжающуюся гражданскую войну, направленного на свержение власти большевиков. Отделения Комитета быстро распространились на местном уровне, начались волнения солдат и матросов, докеры и железнодорожники останавливали суда и поезда, везущие боеприпасы в Польшу.

Дж. Д. Х. Коул в работе *“A Short History of the British Working Class Movement”* писал, что «возбуждение возросло, и основное ядро общественного мнения на этот раз встало на сторону рабочего движения». Нависла угроза всеобщей забастовки, но правительство отказалось от запланированного объявления войны. Выполнив задачу, «Комитет потерял

БУРЖУАЗНЫЙ РЕФОРМИЗМ ФАБИАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Фабианское общество было основано в 1884 году и опиралось на тактику «затягивания времени» одноимённого римского консула для продвижения реформистского, градуалистского социализма, направленного на «дополнение» буржуазного общества. Ниже мы приведём выдержки из предисловия 1908 года, написанного Джорджем Бернардом Шоу к опубликованному впервые в 1889 году коллективному труду *“Fabian Essays in Socialism”*, в котором редактор резюмирует политические аспекты, оказавшие большое влияние на историю Лейбористской партии.

С 1889 года, пишет Шоу, «социалистическое движение полностью преобразовалось во всей Европе; и результат этого преобразования можно справедливо назвать фабианским социализмом». С подавлением Парижской коммуны в 1871 году в действительности был подавлен «романтический революционный либерализм и радикализм 1848 года, к которым социалисты примкнули естественным образом». Либералы хотели отрубить головы королям, чтобы дать свободу промышленности, а социалисты – капиталу, чтобы дать свободу рабочим, но они не имели возможности руководить обществом, не зная «конкретного человеческого материала [и] будучи очарованными настойчивостью Маркса и Энгельса в продвижении “научности” их движения».

Фабианцы же – профессиональная и интеллектуальная мелкая буржуазия, желавшая возглавить рабочий класс, – конечно, считали себя «экспертами». Поспешное отвержение марксистской «науки» без какого-либо серьёзного опровержения было призвано скрыть опасение, что она уничтожит хваленый анализ фабианцев.

Продемонстрированная Коммуной беспомощность социалистов «заставила их противников истребить их в самой ужасной войне современности». Конечно, это была работа «неумелого» правящего класса, но если «сон людей» свергает современное государство, «не имея достаточных знаний и умений честно продолжать необходимую часть своей работы, и если не позволяет делать эту работу кому-то другому, то их истребление становится делом крайней необходимости».

Фабианское общество «не имело намерения быть истреблённым» и знало, что «собственники стреляют, не колеблясь, и если это произойдёт, «оно хотело быть на стороне государства», прекрасно понимая, что «для того, чтобы сделать это, потребуется довольно много лет». Здесь Шоу упускает из виду не только классовую борьбу, вспыхнувшую во времена Коммуны, но и собственный краткий «практический» опыт. В войнах империализма фабианцы при пустых пацифистских призывах всегда будут «на казённой стороне винтовки». Их цель состояла в том, чтобы «предоставить парламентскую программу для премьер-министра, вставшего на сторону социализма [и] сделать таким же лёгким и само собой разумеющимся для обычного respectable англичанина быть социалистом, как либералом или консерваторм».

Диалектический навык Шоу как драматурга и автора, приправленный изрядной дозой самодовольной иронии, позволял ему с юмором поднимать тему социализма – редкий подвиг, достойный воспринятия. Например, он писал, что есть «разница между собственностью человека на его трость, которая строго ограничена общественным условием, согласно которому он не должен использовать её для того, чтобы разбить голову своему ближнему [...], и теми частными правами собственности, которые позволяют праздному взять огромную дань». Или описывал социалистические группы того времени, которым иногда даже удавалось «бороться за место в парламенте во имя социализма и успокаивать капиталистические партии, выходя в конце голосования с меньшим количеством голосов, чем можно было бы предположить даже для любого кандидата, будь он хоть плоскосельщиком, в те дни, когда каждый может найти своего последователя».

всякий бодрый порыв; он не растворился, а просто перестал существовать».

Милибэнд не верит, что британское правительство действительно намеревалось вступить в войну: «Левая выступала против интервенции, потому что Россией правили большевики, в то время как ортодоксальные лейбористские лидеры выступали против, несмотря на это», считая себя «аутентичными интерпретаторами истинных английских национальных интересов».

Буржуазия могла принять одну из двух линий: свергнуть власть в Москве или начать добиваться соглашения о доступе к большому российскому рынку. Второй вариант и был поддержан лейбористами. Массами двигал именно страх новой войны, а вовсе не желание начать революцию, но клич рабочих был «Руки прочь от России!» По-прежнему не хватало коммунистической партии, стратегически оснащённой и организованной для того, чтобы поднять их и руководить ими.

Первое лейбористское правительство

Быстрорастущая Лейбористская партия, получившая 5,5 млн голосов, стала главной альтернативой консерваторам и «пристанью для всех тех мужчин и женщин – влиятельных, уважаемых и образованных, – которые потеряли веру

в Либеральную партию» (Beer M. *Op. cit.*). Первое в истории лейбористское правительство при поддержке либералов пришло к власти в январе 1924 года.

Глава исполнительной власти Рамсей Макдональд «полагал, что для Лейбористской партии настал великий момент развеять подозрения тех, кто считал её революционной партией, и показать стране, насколько партия свободна от классовых предубеждений» (Miliband R. *Op. cit.*). Таким образом, правительство «продвинулось во внутренней политике в рамках крайне ограниченного диапазона законодательных и административных реформ», достигнув «очень скромных» результатов, и продемонстрировало своё сопротивление забастовкам, даже поддерживая использование штрейкбрехеров. Правительство пало от рук либералов всего через 9 месяцев из-за банальной газетной ссоры, и на выборах победили консерваторы.

Поэтому неудивительно, как пишет Генри Пеллинг в книге *“A History of British Trade Unionism”*, что негативный опыт работы правительства «повысил доверие профсоюзов к исключительно промышленной борьбе», хотя волна борьбы резко пошла на убыль: количество забастовочных дней упало с 86 млн в 1920 году до менее чем 20 млн к 1921-ому.

Ленин и тактика британских коммунистов

После Февральской революции в России в английском Лидсе в июне 1917 года был созван конвент с участием 1.150 делегатов, в том числе: 209 от *Лейбористской партии* (ЛП), 294 от *Независимой рабочей партии* (НРП), 88 от *Британской социалистической партии* (БСП), 16 от других социалистических групп, 54 от различных женских ассоциаций и 118 от других организаций – «вечерних школ», «кооперативных обществ» и «комитетов мира» (Miliband R. *Parliamentary Socialism: A Study in the Politics of Labour*, 1964).

На этом разнородном собрании была провозглашена полная солидарность с русскими рабочими и необходимость конституировать Советы также и в Англии. Конечно, из этого ничего не вышло, и последующая большевистская революция в октябре 1917 года «снова открыла и углубила пропасть» между революционерами и реформистами, собравшимися под аплодисменты в Лидсе.

Различные организации, которые 1 августа 1920 году объединились в такое проблемное образование, как *Коммунистическая партия Великобритании* (КПВ), в основном были связаны с БСП. Последняя в 1916 г. сместила занявшего патриотические позиции секретаря Генри Гайдмана. БСП была против войны и за Октябрьскую революцию, но не выходила за рамки призыва к «согласованному и демократическому миру».

Социалистическая рабочая партия (СРП), также выступавшая против войны, опиралась на спонтанеистские тезисы американского союза Индустриальные рабочие мира (ИРМ), сыгравшего роль в забастовках *шоп-стюардов* в его шотландской цитадели. В Лондоне действовала *Социалистическая федерация рабочих* Сильвии Панкхёрст, вышедшая из феминистского движения и выступавшая против большевистской централизации, а затем исключённая из КПВ в 1922 году. Существовало также малочисленное, но имевшее последователей среди горняков, *Социалистическое общество Южного Уэльса*.

Лесли Джон Макфарлейн в книге 1966 года *“The British Communist Party”* приводит таблицу численности членов новообразованной КПВ: 4 тыс. в момент основания, 3 тыс. почти сразу после него, 10 тыс. после всеобщей забастовки 1926 года, а затем снова 3 тыс.

Ленин и английский “центризм”

Фрэнсис Беккет в книге 1998 г. *“Enemy Within”*, критикуя Ленина, утверждает, что его одобрение исключения кандидатуры НРП, родившейся в 1893 году, из переговоров о новой партии было «роковым решением», которое привело к бесконечной «окопной войне» между двумя партиями. С других сторон на Ленина нападали за то, что он собрал в Интернационале группы, враждебные работе в профсоюзах и парламентах, чтобы потом заставить их на II конгрессе подчиниться или быть исключёнными.

Арриго Черветто в одной из заметок так резюмирует ленинскую стратегию «напора»: «1) концентрация борьбы с центризмом», чтобы не дать ему «закрепиться» и «привлечь» тех, кто хочет избежать однозначного выбора. Для этого понадобились английские шоп-стюарды. «2) ускоренный темп (или поспешность) в устройстве Интернационала»¹, который должен был быть организован и централизован как можно скорее.

Нам совершенно ясно, что в плановые первые послевоенные годы, в

условиях концентрической осады, охватившей большевистскую Россию, в ситуации почти повсеместного в Европе и мире открытого социального противостояния, местами доходящего до военного, решения нужно было принимать быстро, несмотря на отрывочную и неполную информацию.

Замысловатый и тяжёлый путь

Революционные классовые силы, имевшиеся в распоряжении III Интернационала, перегруппировывались за несколько лет, а иногда и месяцев. Те же самые местные лидеры коммунистических партий вели свои бои, порой даже очень напряжённые, всё ещё внутри старых социалистических партий, сохраняя при этом их характеристики; либо это были полные энтузиазма молодые люди, готовые к самопожертвованию, но без реального опыта за плечами.

Ленин – вместе с Троцким, который в этой битве был на его стороне – стремился сохранить как аналитические способности Поля Леви, так и революционную направленность КРПГ в Германии, связав их с Интернационалом; возродить анархистские традиции во Франции; сдержать колебания итальянского социалистического максимализма, сталкивающегося с порой противоположными замкнутостями и предрассудками, даже на личном уровне. Между тем экономические и социальные рамки послевоенного кризиса также изменились: началось быстрое, хотя и хаотичное восстановление.

В этой серии статей мы на примере некоторых стран хотели исследовать причины, по которым «звенья империалистической цепи» не порвались под давлением конфликта, как это произошло в России. Поэтому мы не занимаемся здесь общим анализом политических действий III Интернационала, его успехов и поражений, оставшихся в силе точек опоры и имевших место в некоторых случаях тактических уклонов.

Поэтому же мы опускаем вопросы, которые также обсуждались в том числе и с другими партиями (различие между партией и профсоюзом и работа в нём, использование парламентской «трибуны»), чтобы сосредоточиться только на конкретном английском случае присоединения к Лейбористской партии, которая представляла себя, согласно традиции I Интернационала, как всё британское рабочее движение.

Актуальность партии и работы в массах

Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», опубликованной в июне 1920 г., не считает нужным «останавливаться» на разногласиях: «У меня слишком мало материалов по этому вопросу, который является особенно сложным ввиду чрезвычайной оригинальности британской “Рабочей партии”, слишком не похожей на обычные на континенте Европы политические партии по самому своему строению»².

Через месяц, на II конгрессе III Интернационала в июле – августе 1920 г. в «Речи о роли коммунистической партии» Ленин вновь поднимает эту тему: «[Я] пришёл к убеждению, что решение остаться в Рабочей партии является единственно правильной тактикой»³. Были противоположные мнения: «[...] быть может, можно выждать. Даже параллельное существование двух партий на некоторое время было бы лучше, чем

“ПАСХАЛЬНЫЙ БУНТ” В ИРЛАНДИИ

В полном конфликтов 1916 году ирландские националисты в союзе с теми, кто хотел «рабочей республики», развязали восстание в Дублине против светских английских правителей. Мортон и Тейт в своём совместном труде *“The British Labour Movement, 1770–1920: A Political History”* пишут, что восстание «было подавлено с помощью 60.000 солдат и бомбардировки ВМС», тысячи повстанцев были убиты или депортированы, «пятнадцать лидеров были приговорены к смерти», в том числе Джеймс Коннолли – один из лидеров рабочего движения, «которого, несмотря на то, что он был тяжело ранен, посадили на стул и расстреляли».

Ленин, настроенный против тех, кто отвергал использование национальных революций, вспыхнувших за спиной властей, касается этих событий в своём тексте 1916 года «Итоги дискуссии о самоопределении». Он пишет, что «несчастье» состояло в том, что ирландцы «восстали несвоевременно, – когда европейское восстание пролетариата ещё не созрело»⁴, и поэтому он не мог им помочь, направить их, освободить от «мелкобуржуазных илаков»¹⁰.

Ленин считал, что социалистическая революция в Европе «не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетённых и недовольных». «Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней», привнося «свои слабости и ошибки» в самой «нестрой» форме, но они тоже будут «нападать на капитал», и только «сознательный авангард революции, передовой пролетариат [...] сможет объединить и направить её»¹¹.

Прошёл век, цикл национальных революций в колониях давно завершился. Во всём мире господствует капиталистическая экономическая и социальная форма, эксплуатируя более 2 млрд наёмных работников. В Европе и других местах, включая Ирландию, остаточные национальные вопросы, сгнившие и скованные религиозными путями, больше не могут быть включены в стратегические расчёты коммунистов.

Революцию и в будущем будут двигать массы «всех и всяческих угнетённых и недовольных», и их «слабости и ошибки» снова будут проявляться в «нестрой» форме, но «сознательный авангард» должен ставить своей задачей отнюдь не участие в остаточной национальной борьбе, ставшей теперь лишь реакционным переизданием этих мелкобуржуазных иллюзий. Ленин беспрестанно осуждал их именно для того, чтобы получить тогда ещё существующую возможность использовать их разрушительный потенциал. Сегодня же задача состоит в том, чтобы сконцентрировать энергию на придании сознания и организации современному пролетариату во всём мире.

отказ от ответа на вопрос, какая тактика правильна. [...] Это будет иметь воспитательное значение»⁴.

В «Речи о вхождении в британскую Рабочую партию», произнесённой на том же конгрессе, Ленин ясно даёт понять: «Конечно, Рабочая партия большей частью состоит из рабочих. Однако является ли партия действительно политической рабочей партией или нет, это зависит не только от того, состоит ли она из рабочих, но также от того, кто её руководит и каково содержание её действий и её политической тактики». С этой точки зрения, «Рабочая партия является насквозь буржуазной партией, ибо хоть она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, – самые худшие реакционеры»⁵.

Неудачная тактическая попытка

Лейбористская партия, продолжает вождь большевиков, «очень оригинальная партия, или, вернее, вовсе не партия в обычном смысле этого слова. Она состоит из членов всех профессиональных организаций, насчитывая сейчас около четырёх миллионов членов, и даёт достаточно свободы всем политическим партиям, входящим в её состав. В неё входит таким образом огромная масса английских рабочих, находящаяся на поводе у худших буржуазных элементов»⁶.

В упомянутой выше «Речи о роли коммунистической партии» Ленин делает предварительный вывод о том, что «партия коммунистов может присоединиться к Рабочей партии только при условии, если она сохранит полную свободу критики и сможет вести свою собственную политику. Это – самое важное»⁷.

Цель состоит в «сотрудничестве передового меньшинства английских рабочих с их подавляющим большинством». «Если меньшинство не умеет руководить массами, тесно связаться с ними, то оно не является партией и вообще ничего не стоит»⁸. ЛП изменила политику членства, а затем переписала свои устав и программу, превратившись в

партию в собственном смысле слова, а в 1924 году дошла до участия в правительстве (см. статью «Рабочая борьба и лейбористское правительство» в этом же приложении). В 1920 году этот путь ещё только начинался.

Указанная английским коммунистам необходимость связи с массами оставалась актуальной, но тактический вариант, восходящий к традиции I Интернационала и связанный с возможной политической работой внутри партии, вроде лейбористской, являвшейся таковой лишь по названию, но на деле объединявшей все проявления английского рабочего движения, прежде всего профсоюзы, был навсегда исчерпан.

Но можно ли назвать «ошибки» Ленина ошибками? При подсчёте задействованных сил и имеющегося времени, при оценке информации и людей всегда и для всех существует возможность совершить ошибки. Ленин это учитывал. Но его цель состояла в том, чтобы сформировать партию во главе с авангардом, выразившим интересы класса, сформировать её «на скорую руку» и сделать так, чтобы она не довольствовалась собственной изоляцией. Вот ключевые пункты, по которым план Ленина столкнулся с наибольшими трудностями и был окончательно подавлен сталинизмом. Но поражение – это не то же самое, что теоретическая и стратегическая ошибки.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 7. Quaderni: Strategia e marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 41. С. 74.

3 – Там же. С. 238.

4 – Там же. С. 240.

5 – Там же. С. 261.

6 – Там же. С. 263.

7 – Там же. С. 238.

8 – Там же. С. 239.

9 – Там же. Т. 30. С. 56.

10 – Там же. С. 55.

11 – Там же. С. 54, 55.